

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С ДАНИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ В IX—XVII вв.

Взаимоотношения нашей страны со странами Скандинавии имеют уже одиннадцативековую историю. Однако эта история изучалась до последнего времени совершенно недостаточно. Больше всего в исторической литературе (и в русской, и в зарубежной) обращалось внимание на историю отношений России со Швецией; при этом из всего круга проблем изучались преимущественно русско-шведские войны. Лишь в последние годы стали публиковаться труды, посвященные мирным экономическим, политическим и культурным связям России и Швеции.¹ Экономические связи нашей страны с Данией и Норвегией ни в советской, ни в дореволюционной науке вообще еще не изучались. Почти не изучались они и в самих этих странах. В настоящей статье ставится цель на основе уже известных и опубликованных материалов дать общий обзор развития экономических отношений нашей страны с Данией и Норвегией за период со времени возникновения этих отношений и до начала XVIII в.

Поскольку в источниках сохранилось немного сведений о ранних этапах развития русско-датских и русско-норвежских экономических связей, наибольшее место в предлагаемой статье отводится последнему (в пределах хронологических рамок работы) этапу — XVI—XVII вв., хорошо освещаемому источниками. Для указанного этапа мы располагаем монументальными публикациями документов, подготовленными в предреволюционные годы выдающимся русским археографом Ю. Н. Щербачевым; прорабо-

¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. Сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М.—Л., 1960 (далее — РИЭО); Н. Piirimäe. Kaubanduse küsimused Vene-Rootsi suhetes 1661—1700. A. Tartu, 1961; И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 года и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964; Л. А. Лооне. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и первой половине XIX вв. «Скандинавский сборник». I, 1956, стр. 132—155, и др.

тав много лет в Копенгагенском архиве, Ю. Н. Щербачев дал детальный обзор хранящихся там материалов о русско-датских и русско-норвежских отношениях² и опубликовал все найденные им в архиве русские документы³ и часть датских документов XV—XVI вв.⁴ Хотя первые публикации Ю. Н. Щербачева изданы три четверти века тому назад, ими в исследовательском плане всерьез еще никто не пользовался. Публикации Ю. Н. Щербачева и положены в основу настоящей работы.⁵

К сожалению, аналогичный фонд, хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА) в материалах Посольского приказа — фонд «Сношения России с Данией», — еще никем всерьез не изучался и не использовался для публикаций, и о его содержании мы знаем лишь по написанному в конце XVIII в. Н. Н. Бантыш-Каменским по документам этого фонда краткому обзору русско-датских отношений XVI—XVII вв.⁶

При освещении наших экономических связей с Данией и Норвегией XI—XVII вв. приходится учитывать, что после Кальмарской унии 1397 г. Дания, Швеция и Норвегия составляли триединое государство под властью датских королей. После отделения в 1523 г. Швеции сохранилась уния Дании и Норвегии, причем в 1536 г. Норвегия была лишена внутренней автономии и стала политически бесправной частью Датского королевства. Поэтому во всех рассматриваемых ниже дипломатических сношениях с Россией XV—XVII вв. датское правительство выступает как

² Ю. Н. Щербачев. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1893, кн. 1 (далее — Датский архив).

³ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. «Русская историческая библиотека», т. XVI, СПб., 1897 (далее — Русские акты).

⁴ Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. I. «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1915, кн. 4, отдел II; вып. II, там же, 1916, кн. 2 (далее — Копенгагенские акты).

⁵ За сто лет до Ю. Н. Щербачева немецкий археограф А. Ф. Бюшинг обследовал фонд русско-датских отношений Копенгагенского архива и опубликовал (с выдержками из документов) обзор этого фонда (A. F. Büsching. Archiv-Nachrichten von alten Unterhandlungen, welche zwischen dem russischen und dänischen Hofe von 1554 bis 1677 gepflogen worden. In: Magazin für die neue Historie und Geographie, Tl. VII. Halle, 1773, SS. 299—346). В 1839 г. этот фонд просматривал С. В. Соловьев (Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. I. СПб., 1885, стр. 384, 537), но никакого описания его не оставил. В середине 1880-х годов фонд просмотрел и кратко описал Г. В. Форстен (Г. В. Форстен. Архивные занятия в Париже, Брюсселе, Копенгагене и Стокгольме по истории Скандинавских и Московского государств в XVI и XVII столетиях. «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, № 6, стр. 61—67). Однако все эти обзоры не идут в сравнение с подробнейшим и детальнейшим обзором Щербачева и его публикациями.

⁶ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. I, М., 1894, стр. 208—237.

правительство Дании и Норвегии; условия договоров и соглашений с Россией распространяются (особенно после 1536 г.) в равной мере на датских подданных в пределах и Дании, и Норвегии. Но поскольку, несмотря на политическое подчинение датской власти, Норвегия в XV—XVII вв. фактически продолжала быть отдельной страной со своей собственной экономикой, со своим собственным купечеством, имевшим свои самостоятельные интересы, мы в предлагаемой статье отдельно рассматриваем и для XV—XVII вв. экономические связи России с Данией (в основном осуществлявшиеся через Балтику) и экономические связи России с Норвегией (проходившие в то время целиком через северные моря). В источниках мы стремились по мере возможности расчленить сведения, относящиеся к деятельности датских и норвежских купцов. В нашей работе под терминами «Датское королевство» мы подразумеваем Данию вместе с Норвегией, «купцы Датского королевства» — и датских, и норвежских купцов, под термином же «датские купцы» — только собственно датских купцов.

1. РОССИЯ И ДАНИЯ

Когда возникли первые сношения (политические или торговые) между нашей страной и Данией, установить чрезвычайно трудно. Для древнейшего периода — для периода существования Древнерусского государства (IX—XI вв.) — сведения о связях нашей страны с Данией в источниках почти полностью отсутствуют. Давно уже было обращено внимание на тот факт, что в имеющемся во введении к Повести временных лет перечне «варяжских» народов указаны норвежцы («урмане») и шведы («свеи» и «готе», т. е. племена сеев и гётов, в то время находившиеся на стадии слияния в единый шведский народ), но вовсе не упомянуты датчане; и в основном тексте Начальной летописи Дания и датчане не упоминаются ни разу.⁷ Имеются лишь некоторые указания западных источников об отдельных случаях датско-русских династических связей в XI в.⁸

Примечательно также, что среди скандинавских вещей IX—XII вв., найденных на территории России, не обнаружено вещей, явно изготовленных в Дании.⁹ Единственным исключением яв-

⁷ Есть, правда, прямое указание на наличие в XI в. значительного количества датчан в составе населения столицы Древней Руси, Киева, в хронике Титмара Мерзебургского. Но в данном случае скорее всего Титмар смешивает датских и шведских норманнов.

⁸ Л. М. Сухоготи. Брачные союзы ближайших потомков св. князя Владимира. В кн.: Владимирский сборник. Белград, 1938, стр. 180; М. Б. Свердлов. Известие о Руси в Пегауских анналах. «Вестник ЛГУ», 1967, № 14, стр. 153—154.

⁹ См. работы шведских археологов Арне (Т. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914) и Арбмана (H. Arbmán. Svear i österviking. Stockholm, 1955), а также книгу крупнейшего датского археолога Брёндстеда

ляется найденная недавно во время раскопок в Новгороде кость с датской рунической надписью XI в.,¹⁰ скорее всего привезенная в Новгород каким-либо датчанином.¹¹ Главным свидетельством о существовании в «эпоху викингов» торговых связей между Данией и нашей страной являются находки на территории Дании кладов арабских (куфических) монет IX—X вв., явно привезенных из прикаспийских стран через Восточную Европу по Волжскому пути и по Балтийскому морю;¹² всего на территории Дании вместе с входившей в IX—X вв. в состав Дании областью Сконе (ныне южная часть Швеции) найдено 87 кладов куфических монет.¹³ Правда, нельзя установить, попали ли арабские монеты в Данию прямо по морю из устья Невы или через территорию Швеции и через посредство шведских купцов; но все же эти находки позволяют полагать, что по крайней мере какая-то часть арабских монет попала на датское побережье прямо из Восточной Европы и что, следовательно, прямые торговые связи между Данией и восточноевропейскими землями в каком-то объеме существовали уже в «эпоху викингов».

Главным центром датской торговли с западноевропейскими и с балтийскими странами IX—X вв. (и вообще одним из главных торговых центров Скандинавии «эпохи викингов») был город Хедебю в Ютландии; в раскопках Хедебю найдены прямые следы торговли с Русью — остатки византийского шелка, попавшие сюда скорее всего через «путь из варяг в греки» и через Балтийское море, а также огниво с бронзовой рукояткой типа, распространенного в Пермском крае. В исландской саге о Ньяле упоминается русская шапка, подаренная датским королем в Хедебю посетившему этот город одному из героев саги. Известно также, что купец Вульфстаин из Хедебю во второй половине IX в. совершил плавание к восточным берегам Балтийского моря. На территории древнерусских земель сделано 4 находки ранних датских монет X в. (940—980 гг.), обычно считающихся монетами, изготовленными в Хедебю («полубрактеаты Хедебю»); еще одна подобная находка (20 монет) сделана в окрестностях Таллина. Все эти факты позволяют предполагать, что уже в X в. (если не ранее)

(J. Brøndsted, *Vikingerne*. København, 1962), в которой автор уделит определенное внимание вопросу о скандинавах на Руси, но не смог указать ни одной конкретной найденной на Руси скандинавской вещи, которая бы происходила из его родной Дании.

¹⁰ Э. А. Макаев. Руническая надпись из Новгорода. «Советская археология», 1962, № 3, стр. 309—311.

¹¹ Человеку другой национальности незачем возить с собой кость с ритуальной надписью на непонятном языке; ведь сама по себе эта кость никакой ценности не представляет.

¹² Подробнее об этом см. статью В. М. Потина в настоящем сборнике, стр. 71—72.

¹³ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, стр. 38. — Дания по числу находок кладов куфических монет стоит на 4-м месте после России, Швеции и Польши.

существовали торговые сношения между Хедебю и русскими землями.¹⁴

Для следующих двух столетий наличие торговых связей Дании с Восточной Европой подтверждается довольно многочисленнымикладами датских монет XI—XII вв., найденными в Прибалтике и в древнерусских землях. Всего известно в СССР 39 находок датских монет XI в., из них 18 — в Прибалтике (12 в Эстонии, 6 в Латвии) и 21 — на территории Древней Руси; по количеству находок этих монет Древняя Русь стоит на одном из первых мест среди европейских стран, уступая лишь Польше, землям поморских славян и Швеции; всего найдено 428 монет.¹⁵

По датировкам монет и монетных находок можно проследить отдельные этапы усиления и ослабления русско-датских торговых связей. Так, для X в. на территории СССР найдены только датские монеты 940—960 гг., и совсем (за одним исключением) нет монет последующих четырех десятилетий X в. и первых двух десятилетий XI в.;¹⁶ видимо, на это время русско-датские торговые сношения ослабли или вовсе прервались. Датские монеты XI в. появляются в кладах на территории СССР начиная со второй четверти этого столетия, и большинство их представлено в кладах второй половины XI в. (331 монета из 428).¹⁷ Видимо, именно на вторую половину XI в. приходится наибольшее развитие русско-датских торговых связей. Часть монет XI в. (68 экз.) находилась в обращении и в следующем столетии и обнаружена в кладах XII в.¹⁸

То обстоятельство, что часть датских монет (64 из общего числа 428) обнаружена на территории Эстонии и совсем немного (13 экз.) — на территории Латвии,¹⁹ видимо, свидетельствует, что торговые связи с Данией осуществлялись в основном по пути, шедшему через Финский залив, и совсем в малой степени — по пути через Западную Двину.

Свидетельства о существовавшей в XI в. (и ранее) морского пути из Дании на Русь содержит хроника Адама Бременского (написана в 70-е годы XI в.). По сведениям хроники, датчане

¹⁴ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства..., стр. 121, 128—130; Н. Jankuhn. Naithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1956, SS. 160, 173, 174, 196; Исландские саги. Под ред. М. И. Стеблина-Камеянского. М., 1956, стр. 493. — Сам факт чеканки первых датских монет в Хедебю, по-видимому, находился в прямой связи с торговлей этого города с Восточной Европой: первые датские монеты скорее всего чеканились из переплавленных арабских (куфических) серебряных монет, поступавших сюда из Восточной Европы (В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства..., стр. 130).

¹⁵ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства..., стр. 130, 135.

¹⁶ Там же, стр. 129, 133—134.

¹⁷ Там же, стр. 134.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

в то время «из Дании ходили в Острогард²⁰ Руссии».²¹ Сведения эти автор хроники получил от самих датчан («датчане же утверждают»). Видимо неоднократно плававших в Новгород. Возможно, что в данном случае подразумевался прямой морской путь из Дании мимо Готланда в Финский залив и далее в Новгород, ибо в той же хронике упоминается и второй, транзитный морской путь из датской области Сконе²² до Бирки (видимо, вдоль морского побережья Швеции) и от Бирки до Руси, очевидно — тоже до Новгорода.²³ Правда, хронист ничего не сообщает об использовании обоих путей для целей торговли, но подобные пути могли существовать только для торговли, ибо чисто политические сношения между столь отдаленными странами в те времена не могли быть часты, а в известии Адама Бременского явно подразумеваются морские пути, действующие постоянно.

Косвенные данные о существовании морского пути от Новгорода через Балтику до Дании содержатся и во введении к «Повести временных лет».²⁴ Кроме того, один датский источник XIII в. содержит точное описание морского пути из Дании в Финский залив, сложившегося явно задолго до XIII столетия.²⁵ Видимо, торговые связи Дании и Руси возникли уже в «эпоху викингов», однако (судя по отсутствию следов в памятниках археологии и по бедности сведений в письменных источниках) не получили большого развития. В эту эпоху внешнеполитическая и внешне-торговая активность Дании была в основном ориентирована на Запад, в сторону близко расположенных развитых и богатых стран — Англии и Франции; более бедные и далекие земли Восточной Европы датских викингов интересовали значительно меньше. Во всяком случае, первые имеющиеся в письменных источниках прямые сведения о существовании торговых сношений между Данией и русскими землями содержатся в источниках середины XII в., т. е. относятся к следующему историческому

²⁰ Острогард — одно из скандинавских названий Новгорода.

²¹ М. Б. Свердлов. Известия о русско-скандинавских связях в хронике Адама Бременского. «Скандинавский сборник», XII, 1967, стр. 275.

²² Ныне — крайняя южная область Швеции, до XVII в. принадлежавшая Дании.

²³ М. Б. Свердлов. Известия о русско-скандинавских связях... стр. 273, 275. — См. также его статью в настоящем сборнике, стр. 87—88.

²⁴ Во введении к «Повести временных лет» при описании пути «из варяг в греки» прямо указывается, что этим путем от устья Невы и через «Варяжское море» можно дойти до Рима; следовательно, автору было известно о существовании морского пути через Балтийское море и далее вокруг Европы в Рим, а путь этот проходил через датские проливы. Добавим еще, что в сагах имеется ряд сведений о норвежцах, ездивших в Россию; из южной Норвегии водный путь в русские земли шел через те же датские проливы.

²⁵ И. П. Шаскольский. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. «Географический сборник», III, М.—Л., 1954, стр. 146—159.

этапу — к периоду феодальной раздробленности на Руси (и к соответствующему ему в истории Дании периоду развития феодальных отношений и ослабления феодальной государственности).

XII век — время наибольшего развития древнерусского торгового мореплавания на Балтике, время, когда русские мореходы стали плавать по всему Балтийскому морю до западной его оконечности. В Новгородской первой летописи за этот период имеются два известия о торговых поездках русских купцов в Данию. Под 1130 г. летописец, рассказав о крушении нескольких русских кораблей, возвращавшихся из торговой поездки на Готланд, добавляет, что тогда же из Дании русские торговые корабли вернулись благополучно.²⁶ В 1134 г. новгородские купцы, приехавшие для торговли в Данию, были там по неизвестным нам причинам посажены в тюрьму.²⁷ Сведения летописи особенно ценны тем, что в ней летописец рассказывает о поездках своих сограждан в Данию как об обычных, заурядных явлениях, видимо производившихся в то время ежегодно. Одно свидетельство о русской торговле в Дании содержит датская хроника Саксона Грамматика; в ней под 1157 г. упоминаются русские торговые суда с товарами, находившиеся в гавани самого крупного в Ютландии торгового города Шлезвига.²⁸ Это в основном случайные известия, но все они свидетельствуют, что в XII в. велась более или менее регулярная торговля русских торговых людей в Дании. Видимо, в XII в. русские купцы каждый год совершали плавание к ее берегам. К сожалению, об ассортименте товаров этой торговли мы ничего не знаем. Неизвестно также, велась ли аналогичная торговля с датской стороны, ездили ли датские купцы в XII в. в русские земли.²⁹

В последние десятилетия XII в. и в первые десятилетия XIII в. на восточных берегах Балтики произошли большие политические перемены, приведшие к упадку русского мореходства и морской торговли. До этого времени земли восточного побережья Балтики

²⁶ «...а из Дони приидоша здрави» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. И. Насонова. М., 1950, стр. 207). В этом тексте впервые в русских источниках встречается древнерусское название Дании: «Донь» (см. статью М. Б. Свердлова в настоящем сборнике, стр. 82).

²⁷ «...порубина повгородцев за морем в Дони» (Новгородская первая летопись..., стр. 208). Слово «порубина» означает «посадили в поруб» (в тюрьму).

²⁸ Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Ed. A. Holder. Strassburg, 1886, p. 484; см. также: А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, стр. 219.

²⁹ Возможно, что датские купцы не ездили в XII в. в Россию или, если и ездили, то в небольшом количестве и нерегулярно. В Новгороде с XII в. был двор для готландских купцов, примерно со второй половины XII в. появился двор для немецких купцов, но о существовании двора для датских купцов ничего неизвестно. Впрочем, не исключено, что о существовании такого двора в XII в. мы можем просто не знать из-за скудости сведений в источниках.

находились под властью или под влиянием древнерусских княжеств (центральная Финляндия, Корельская земля, земли эстов, ливов, латышей) или же были независимы (юго-западная Финляндия, западные области Эстонии). В последние десятилетия XII и в начале XIII в. происходит завоевание западноевропейским феодальным рыцарством Восточной Прибалтики (Ливонии) и юго-западной Финляндии вместе со всем побережьем Рижского и большей частью побережья Финского залива; у Руси остается лишь восточная оконечность Финского залива с устьем Невы. Одновременно с политическим оттеснением Руси от Балтийского моря разворачивается и экономическое наступление с Запада: немецкие купцы обосновываются в важнейших торговых пунктах на побережьях Рижского и Финского заливов и захватывают в свои руки большую часть морской торговли между Русью и западноевропейскими странами. В упорной борьбе с более сильными иноземными конкурентами новгородским купцам в течение XIII—XIV вв. удалось отстоять свое право активной морской торговли, но практически оказалось возможным и выгодным продолжать торговые плавания лишь в восточной части Балтийского моря; поездки на запад далее Готланда, в том числе — в Данию, с начала XIII в., видимо, прекратились. И до конца XV в. нет никаких сведений о существовании каких-либо экономических связей Руси с Данией.³⁰

В конце XV в. в результате объединения русских земель создано огромное Русское государство, с подчинением Новгорода вышедшее к берегам Балтийского моря и включившееся в борьбу держав на берегах Балтики. Поскольку соседние балтийские государства, Ливония и Швеция (в конце XV и начале XVI в. боровшаяся за выход из-под власти Дании), были в то время враждебно настроены по отношению к России, самым подходящим союзником Русского государства на Балтике оказалась Дания.³¹ И с тех пор на протяжении XVI—XVII вв. (и позднее — в XVIII в.) Россия почти все время старалась поддерживать дружественные отношения с Данией, своим наиболее постоянным политическим партнером в борьбе на берегах Балтийского моря, что благоприятствовало развитию торговых сношений.

³⁰ Следует при этом отметить, что как раз в то время, когда, по всей видимости, прервались торговые связи Руси с Данией, Датское государство впервые стало территориальным соседом русских земель. В 1219 г. Дания завоевала северную Эстонию и владела ею до 1346 г.; в результате по реке Нарове установилась территориальная граница датских и русских владений. Однако в 1223—1238 гг. северная Эстония была временно захвачена немецкими рыцарями, в ней установилось господство немецких феодалов-землевладельцев, а в городах — полное господство немецкого бюргерства, и поэтому после восстановления датской власти датские купцы не играли сколько-нибудь заметной роли в жизни Таллина и Нарвы и, в частности, в торговле этих городов с русскими землями.

³¹ K. Rasmussen. Historie og diplomati. In: Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. København, 1964, s. 11.

В первый раз русско-датские переговоры были проведены в Копенгагене в 1493 г. и завершились заключением первого русско-датского договора.³² В эти годы Русское государство начало борьбу против Ганзы, в течение XIV—XV вв. монопольно державшей в своих руках балтийскую торговлю России; потому русское правительство было особенно заинтересовано в налаживании прямых торговых сношений с Данией — первой западноевропейской страной, с которой Русь могла начать торговлю без посредничества ганзейцев. Уже в первом договоре с Данией было поэтому предусмотрено создание необходимых условий для установления взаимовыгодных торговых связей. Купцам обеих стран³³ предоставлялась на территории другой страны свобода проезда и торговли, гарантировались защита и справедливый суд со стороны местных органов власти. Договор скоро дал свои плоды. Уже через два года появляются первые известия в источниках о датских купцах, ездящих на Неву; в 1505—1506 гг. появляются сведения о датских купцах, торгующих в Ивангороде.³⁴ В 1506 и в 1516 гг. русско-датский договор был возобновлен с тем же содержанием.³⁵

С датской стороны внимание правительства к торговле с Россией усилилось с приходом к власти в 1513 г. короля Христиана II, в своей внутренней политике опиравшегося в значительной мере на города и купечество и в интересах купечества стремившегося расширить и укрепить внешнюю и внутреннюю торговлю своей страны. Христиан II стал бороться против экономического и политического могущества ганзейских городов и потому стремился укрепить политические и экономические отношения с Россией, также борющейся с конца XV в. против ганзейского засилья в ее внешней торговле. По-видимому, заботясь о развитии торговых отношений Дании с Россией, Христиан II в действительности ста-

³² Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГид), ч. V, М., 1894, № 110; Копенгагенские акты, I, № 2; F. H. Jahn. Danmarks politisk-militære Historie under Unionkongerne. København, 1835, ss. 569—570; E. Grönblad. Nya källor till Finlands medeltidshistoria. bd. I. Köbenhavn, 1857, № 43.

³³ По-видимому, условия договора 1493 г. еще не распространялись на норвежских купцов, ибо Норвегия до 1536 г. была автономным государством, находившимся лишь в личной унии с Данией; кроме того, в XV в. норвежские купцы еще не вели сколько-нибудь значительной торговли с русскими владениями.

³⁴ Подробнее о договоре 1493 г. и о русско-датских торговых отношениях конца XV—начала XVI в. см. в статье Н. А. Казаковой в настоящем сборнике, стр. 89—104. Как указывает норвежский ученый К. Сельнес, договор 1493 г. послужил для Дании и Норвегии «началом длительных дружественных отношений с Россией, продолжавшихся до эпохи Наполеона» (K. Selnes. König Christiern II und Russland. «Scando-Slavica», t. VII, Copenhagen, 1961, S. 306).

³⁵ Копенгагенские акты, I, № 2; Русские акты, № 8; СГГид, ч. V, № 80; A. Huitfeld. Danmarckis Rigis Krønike, bd. II. Kiøbenhaffn, 1652, ss. 1109—1111; A. F. Büsching, op. cit., Tl. III, S. 179; E. Grönblad, op. cit., bd. I, № 365; см. также: Датский архив, №№ 6, 14, 22.

вил конечной целью добиться перехода в руки Дании русской балтийской торговли, до тех пор находившейся в монопольном владении Ганзы.³⁶

Вопросы русско-датских торговых отношений неоднократно поднимались во время происходивших в 1514—1517 гг. переговоров между Данией и Россией (главной целью переговоров было заключение союза против Швеции). Датское правительство поручило своему послу Давиду добиваться еще более благоприятных условий для торговли датских купцов в России, в частности права устройства гостиного двора в Новгороде, обещая со своей стороны предоставить аналогичные условия для русских торговых людей в Дании и Норвегии.³⁷ Русское правительство было по-прежнему заинтересовано в укреплении дружественных отношений с Данией и в развитии торговли датских купцов в России (в противовес ганзейским купцам, все еще стремившимся монополизировать в своих руках русскую балтийскую торговлю).³⁸ Возможно было решено дать датским купцам особо благоприятные возможности для торговли в России; в 1517 г. им была дана жалованная грамота — специальный документ, содержавший гарантируемые русским правительством условия торговли датских купцов в пределах Русского государства.³⁹ Это была первая жалованная грамота, данная русским правительством иноземным купцам, притом не отдельному купцу⁴⁰ или группе купцов, а купечеству целой страны.⁴¹ В грамоте датским купцам гарантировалось право свободной торговли и проезда, предоставлялось право иметь свои гостиные дворы в Новгороде и в Ивангороде, иметь на дворах свои церкви,⁴² обеспечивался справедливый разбор судебных дел и т. д.⁴³

³⁶ H. Handelman n, Die letzten Zeiten Hansischer Obermacht im Skandinavischen Norden. Kiel, 1853, S. 40.

³⁷ Датский архив, № 15; Копенгагенские акты, I, № 13; см. также: Г. В. Форстен. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI ст. СПб., 1884, стр. 280; С. F. Allen. De tre nordiske Rigers Historie, bd. II. København, 1865, ss. 153—155.

³⁸ В свою очередь прямая торговля с Россией сулила выгоды и для Дании, которая ранее должна была покупать русские товары через посредство ганзейских купцов и по более высокой цене (Г. В. Форстен. Борьба из-за господства . . ., стр. 282—283).

³⁹ Русские акты, № 9; СГГид, ч. V, № 79; Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. II. СПб., 1842, Примечания к VII тому, стр. 26, прим. 153; A. Huitfeld, op. cit., bd. II, s. 1114; A. F. Busching, op. cit., Tl. III, S. 178; E. G r ö n b l a d, op. cit., bd. I, № 382.

⁴⁰ В том же 1517 г. была дана еще одна жалованная грамота — прусскому купцу.

⁴¹ Грамота купечеству целой страны давалась русским правительством еще только один раз — в 1618 г. купечеству Шведского государства (И. П. Ш а с к о л ь с к и й. Столбовский мир. . ., стр. 156—159).

⁴² В последующих переговорах и соглашениях XVI—XVII вв. русское правительство более ни разу не согласилось предоставить датским купцам это право.

⁴³ См. статью Н. А. Казаковой в настоящем сборнике, стр. 95—102; см. также: С. F. Allen, op. cit., bd. II, s. 155; А. С. Мулюкин. Очерки

Датский король Христиан II также принимал меры для развития торговли с Россией. Когда генуэзцу Паоло Центуриони, долгое время жившему в России, русское правительство разрешило создать компанию по торговле между Россией и Данией, Христиан II со своей стороны предоставил Центуриони, его наследникам и приказчикам право торговать в Копенгагене и других датских городах на равных условиях с датскими купцами.⁴⁴ В 1514 г. в Россию было послано королем несколько датских мальчиков (или юношей) для обучения русскому языку;⁴⁵ по-видимому, из них хотели подготовить будущих приказчиков для ведения датских торговых дел в России.⁴⁶ В 1520 г. Христиан II, временно восстановивший датскую власть над Швецией, разработал проект создания большой датско-шведской торговой компании, которая включила бы в себя купцов Копенгагена, Мальмё и Стокгольма и взяла в свои руки значительную часть торговли между Россией и другими балтийскими странами, с одной стороны, и странами Западной Европы — с другой; компания должна была, в частности, завести свои фактории на русско-финляндской границе и взять на себя вывоз из России кож и воска и продажу в Россию соли и сельди.⁴⁷ Осуществление этого проекта должно было нанести смертельный удар главному сопернику Дании — Ганзейскому союзу, до начала XVI в. державшему в своих руках торговлю между Восточной и Западной Европой через Балтийское море, — и превратить Копенгаген в главный центр балтийской торговли, торговли между Западной Европой и Россией.

Однако принятые обоими правительствами меры для развития русско-датской торговли не успели дать заметных результатов из-за последовавшего в 1523 г. свержения Христиана II и наступившего после этого охлаждения русско-датских отношений. Известно лишь, что в соответствии с жалованной грамотой 1517 г. датским купцам были отведены и какое-то время функционировали датские торговые дворы в Новгороде и Ивангороде.⁴⁸ Имеется

по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912, стр. 269—270; K. Rasmussen, *op. cit.*, ss. 14—15; K. Selnes. *König Christiern II und Russland*, S. 308.

⁴⁴ C. F. Allen, *op. cit.*, *bd.* II, s. 272. — О том, удалось ли Центуриони использовать предоставленные ему права, сведений не имеется.

⁴⁵ Русские акты, № 6.

⁴⁶ K. Rasmussen, *op. cit.*, s. 14. — Позднее, в 1592—1593, 1619 и 1630 г., в Россию вновь посылались датские мальчики для обучения русскому языку (Датский архив, №№ 486, 487, 680, 733; А. С. Мулюкин. *Приезд иностранцев в Московское государство*. СПб., 1909, стр. 53).

⁴⁷ C. F. Allen, *op. cit.*, *bd.* III, h. I. København, 1868, ss. 344—351; A. Nielsen. *Dänische Wirtschaftsgeschichte*. Jena, 1933, SS. 69—70; A. Christensen. *Danmarks handel i middelalderen*. In: «*Nordisk kultur*», XVI. Stockholm—Oslo—København, 1934, s. 125; K. Rasmussen, *op. cit.*, s. 15.

⁴⁸ В статье Н. А. Казаковой в настоящем сборнике (стр. 104) дается ссылка на договор России и Дании 1562 г., где говорится о ранее существовавших датских дворах в Новгороде и Ивангороде. См. также:

всего два прямых известия о торговых поездках датских купцов (в 1517 и 1518 гг.) в Россию.⁴⁹ Видимо, не получила развития и торговля русских купцов в Дании; от этого времени сохранилось лишь одно известие о русской торговой поездке в Копенгаген.⁵⁰

Экономические связи России и Дании в конце XV и начале XVI в. не ограничивались сферой торговли. В последние годы XV в. правительство Ивана III обратилось к правительству дружественной Дании⁵¹ с просьбой прислать мастеров художественного ремесла («по части разных металлов, как-то: золота, серебра и другой изящной резной работы»). Видимо, ввиду отсутствия в Дании таких мастеров (или отсутствия мастеров, согласных поехать в Россию) король Иоанн предпринял меры для их найма в других странах.⁵² О результатах этих сношений сведений не сохранилось. Спустя два десятилетия русское правительство (Василий III) вновь обратилось к дружественной Дании,⁵³ на этот раз с просьбой прислать в Россию мастеров строительного дела, пушечного литья и оружейного производства, столь необходимых в молодом Русском государстве. Правительство Христиана II ответило, что в Дании таких мастеров нет и что оно пошлет своих людей в другие страны для найма мастеров на службу в Россию.⁵⁴ Свержение Христиана II прервало сношения по этому вопросу.⁵⁵

Датско-русские отношения с 1520 г. и до конца 1550-х годов совсем не отражены в письменных источниках. По косвенным данным известно, что, как упоминалось выше, гостиные дворы датских купцов в Новгороде и Ивангороде через какое-то время прекратили свое существование. Перестал действовать и русский торговый двор, находившийся на оставшемся со времени Кальмарской унии под властью датчан шведском острове Готланде. Видимо, после свержения Христиана II политические связи Руси

А. Л. Хорошкевич. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV—начале XVI в. В сб.: Экономические связи Прибалтики с Россией, Рига, 1968, стр. 31.

⁴⁹ А. Huitfeld, *op. cit.*, s. 1131; Н. Handelman, *op. cit.*, S. 263, Anm. 9.

⁵⁰ Н. Handelman, *op. cit.*, S. 41; А. Nielsen, *op. cit.*, S. 69.

⁵¹ Точная дата обращения неизвестна, и о нем мы знаем из материалов переговоров с русскими послами в начале 1501 г. (Копенгагенские акты, I, № 4).

⁵² Копенгагенские акты, I, № 4.

⁵³ Дата этого обращения также неизвестна, о нем мы знаем из материалов переговоров с датским послом в Москве в 1521 г.

⁵⁴ Русские акты, № 10; см. также: Ю. П. Щербачев. Два посольства при Иоанне IV Васильевиче. «Русский вестник», 1887, № 7, стр. 91.

⁵⁵ Позднее, в XVII в., датские мастера-ремесленники приезжали работать в Россию. Так, в 1659 г. при московском дворе работал мастер датчанин, изготовлявший царскую карету (Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г. «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 383).

и Дании перестали поддерживаться, вследствие чего пришли в упадок и замерли торговые связи.⁵⁶

Вопрос о возобновлении торговых связей был вновь поднят в первые годы Ливонской войны, когда датское правительство сделало попытку выступить в роли посредника между Россией и Ливонией. Прибывшие весной 1559 г. в Москву датские послы одновременно с переговорами о решении главной задачи посольства⁵⁷ высказали также пожелание короля о том, чтобы русские торговые люди «в его государство, в Копенгог и в иные его земли ездили торговати и съ его бы людьми о торговле советовали; а его бы люди королевские по тому ж» беспрепятственно ездили торговать в Москву и в другие города России.⁵⁸

Поскольку переговоры происходили после совершенной в 1536 г. датским королем ликвидации норвежской автономии и полного подчинения Норвегии датской власти, начиная с данных переговоров датское правительство во всех дальнейших сношениях с Россией стало выступать как правительство всего Датского королевства, включающего и Данию, и Норвегию, и в сношениях по вопросам торговли заботилось об интересах и собственно датских, и норвежских купцов. Поскольку, кроме того, к тому времени на Мурманском берегу уже развернулась русско-норвежская торговля, русское правительство со своей стороны стало после переговоров заботиться и об интересах русских людей, торгующих на Севере с подвластной Дании Норвегией.

Во время переговоров с русской стороны⁵⁹ поднимался вопрос о заключении нового договора для закрепления дружественных отношений России с Данией и для обеспечения благоприятных условий торговли датским купцам в России, русским — в Дании и

⁵⁶ Во время переговоров 1559 г. (последовавших после 40-летнего перерыва в дипломатических сношениях) датские послы прямо указывали на то, что после дружественных отношений начала XVI в. в течение длительного времени политические и торговые сношения Дании и России не поддерживались: «... меж нас государей приятельство и союзная любовь и меж наших людей о торгах советование порозорилось и посаместа задержалося» (Русские акты, № 16). См. также: *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*, Ed. C. Schirren. Neue Folge, Bd. X. Reval, 1884 (далее — *Archiv*), № 109; Н. М. Карамзин, ук. соч., кн. II, СПб., 1842, т. VIII, стлб. 178.

⁵⁷ При датском посредничестве было заключено русско-ливонское перемирие на полгода.

⁵⁸ Русские акты, № 16, см. также: Копенгагенские акты, I, №№ 33, 56; *Archiv*, №№ 104, 109, 110. — В королевской инструкции (Копенгагенские акты, I, № 33) послам предписывалось также просить русское правительство дать новую жалованную грамоту датским купцам с гарантией условий их торговли в России, и если будет получено согласие, послы должны были дать взамен от имени короля аналогичную грамоту русским купцам; но из отчета послов о переговорах (там же, № 56) не видно, обсуждался ли этот вопрос.

⁵⁹ Фактически проводил переговоры по поручению царя «канцлер» Иван Висковатый (главой русской делегации был А. Адашев).

Норвегии (в первую очередь — в г. Вардё); русским правительством при этом предлагалось обеспечить датским купцам права свободной торговли на всем пространстве Русского государства, в том числе в Москве, Казани, Астрахани, Новгороде, Нарве, Юрьеве (Дерпте) и в еще не завоеванном Ревеле.⁶⁰ Однако датские послы не смогли принять это предложение из-за отсутствия необходимых полномочий;⁶¹ они могли лишь обещать, что датским королем будут предоставлены русским подданным возможности для беспрепятственной торговли в Копенгагене и во всей Дании и Норвегии.⁶² По окончании переговоров русское правительство пригласило датских купцов приезжать с товарами в Ивангород и в завоеванные в предыдущем году у ливонцев Нарву и Юрьев (Дерпт), обещая предоставить благоприятные условия для ведения торговли.⁶³ Датского короля Фредерика Иван Грозный просил прислать новых послов, снабженных необходимыми полномочиями для заключения предлагаемого русским правительством договора.⁶⁴

Новое датское посольство,⁶⁵ прибывшее в Россию в 1562 г. во время политического сближения России и Дании перед лицом общих политических противников — Швеции и Польши, в результате переговоров с правительством Ивана Грозного в Можайске заключило новый русско-датский договор.⁶⁶ В отличие от всех предшествующих договоров, где вопросы торговли затрагивались лишь в краткой форме, в самых общих чертах, в договоре 1562 г. были обстоятельно оговорены весьма благоприятные условия экономических отношений, устанавливаемых между обоими государствами. Поскольку договор был заключен во время первых победных для России лет Ливонской войны, когда в состав Русского государства были включены (на два десятилетия) завоеванные

⁶⁰ Копенгагенские акты, I, № 58, стр. 110—111; Archiv, № 111. — В данном случае с русской стороны были предложены наиболее благоприятные за все время русско-датских сношений XVI—XVII вв. территориальные условия для торговли датских купцов в России: было предложено обеспечение права торговли в наибольшем числе русских городов.

⁶¹ Копенгагенские акты, I, №№ 58, 65; Archiv, №№ 111, 112.

⁶² Копенгагенские акты, I, № 59.

⁶³ Датский архив, № 102; Копенгагенские акты, I, № 65; Archiv, № 114; см. также: Д. В. Цветаев. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 134; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I. СПб., 1893, стр. 190.

⁶⁴ Копенгагенские акты, I, № 65; Archiv, № 114.

⁶⁵ Инструкция ему (Копенгагенские акты, I, № 106) содержала требование подтверждения условий торговли, имевшихся в договоре 1516 г.

⁶⁶ Русские акты, № 20; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, SS. 301—303; L. Laurson. Danmark-Norges traktater, bd. II. Kobenhavn, 1912, № 4; СГГИД, ч. V, № 149 (тот же договор, утвержденный датским королем); см. также: Датский архив, №№ 150, 159; Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 134—135; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос..., т. I, стр. 291—292; W. Kirchner. Commercial Relations between Russia and Europe 1400—1800. Bloomington, 1966, pp. 83—84.

русскими войсками Нарва и Дерпт, русское правительство при составлении договора заботилось в равной степени и об интересах русских купцов («наших царевых и великого князя гостей и купцов»), и об интересах оказавшихся под русской властью немецких ливонских купцов («вотчины наши Ливонские земли немец»). Русским и немецким купцам из Русского государства предоставлялось право свободно ездить «в королевство Датское в город Копонгов и во все городы», беспрепятственно торговать там любимыми товарами и с местными датскими, и с проезжими иностранными купцами, а также давалось право ездить для торговли через Данию и датские проливы в страны Западной Европы, лежащие за пределами Балтики. Датские купцы в свою очередь получали право беспрепятственно ездить в русские владения, «в города Великий Новгород, и во Псков, и в Ругодив,⁶⁷ и во все московские города и в ливонские земли и в городы» и торговать там любимыми товарами.⁶⁸ Специально оговаривалось право иностранных купцов из внебалтийских стран Западной Европы беспрепятственно проезжать через датские проливы в Россию.

Для обеспечения благоприятных возможностей для торговли датских купцов в Русском государстве предусматривалось восстановление ранее существовавших датских торговых дворов в Новгороде и Ивангороде, причем русские власти должны были освободить прежние участки датских дворов, но само устройство дворов должно было (в соответствии с русским торговым правом⁶⁹) производиться датской стороной.⁷⁰ Соответственно и в датских владениях должно было быть предоставлено для купцов Русского государства равное количество гостиных дворов; предусматривалось восстановление старого (существовавшего с новгородского времени) русского двора на подвластном Дании Готланде и устройство нового гостинного двора в датской столице — в Копенгагене (право устройства русского гостинного двора в столице западноевропейского государства здесь предоставлялось впервые). Не разрешалось лишь устройство церквей при гостинных дворах — ни в России, ни в Дании.⁷¹ В случае кораблекрушения у побережья другой договаривающейся стороны торговых судов, принадлежавших купцам Русского государства или Датского королевства, предусматривалась выдача владельцам спасенных товаров.⁷²

⁶⁷ Нарва.

⁶⁸ В данном случае подразумеваются только датские купцы, торгующие через Балтийское море (шведцы тогда не пользовались балтийским путем в Россию).

⁶⁹ А. С. Мулюкин. Очерки..., стр. 276—279; И. П. Шаскольский. Столбовский мир..., стр. 166—169.

⁷⁰ В тексте рассматриваемого договора в статье о восстановлении датских гостинных дворов в Новгороде и Ивангороде прямо говорится: «...а те дворы купцем и гостем ставити самим» (Русские акты, № 20).

⁷¹ Русские акты, № 20. См. также: Ю. Н. Щербачев. Два посольства..., стр. 96.

⁷² Русские акты, № 20.

Заключенный в момент политического сближения и весьма значительной заинтересованности обеих сторон в укреплении отношений, договор предоставлял купцам обоих государств наиболее благоприятные условия для взаимной торговли за всю историю датско-русских отношений XV—XVIII вв. Купцам Датского государства давалось неограниченное право торговли на всей территории России,⁷³ обеспечивалось устройство гостиних дворов в важнейших торговых городах обеих стран, впервые официально утверждалось право проезда русских торговых кораблей через Зунд за пределы Балтийского моря. Важным было также включенное в договор особое условие о беспрепятственном пропуске датскими властями через свою территорию и через датские проливы иноземных мастеровых людей — специалистов в области различных производств и ремесел, остро необходимых в то время Русскому государству.⁷⁴

Международная обстановка на Балтике, сложившаяся в первые годы Ливонской войны, в некоторых отношениях благоприятствовала осуществлению торговых статей этого договора. Овладение русскими в 1558 г. Нарвой привело к началу знаменитой «нарвской навигации» 1558—1581 гг. — Россия получила в свои руки крупный балтийский торговый порт, пивший развитие торговые связи со многими странами. В Нарву стали стекаться торговые корабли из разных западноевропейских государств, в том числе и из Дании.⁷⁵ К сожалению, «нарвская навигация» нашла отражение лишь в случайных источниках, и потому о роли датских торговых кораблей в общей европейской торговле с русской Нарвой судить трудно. В датском архиве сохранилось лишь несколько отрывочных известий о конфликтных делах, связанных с торговлей датских купцов в Нарве; в этих документах упоминаются в разной связи торговавшие в 60-е и 70-е годы XVI в. в Нарве и Ивангороде копенгагенский бургомистр Маркус Гессе, копенгагенские купцы А. Гессе, Н. Нильсен, Г. Монсон, Х. Фоглер и др.⁷⁶

⁷³ Подобное, ничем не ограниченное право в XVI в. было предоставлено только еще купцам Польского государства (А. С. Мулюк пп. Приезд иностранцев..., стр. 201—203).

⁷⁴ Русские акты, № 20.

⁷⁵ Есть сведения, что датские торговые корабли стали приходить в Нарву в первые же месяцы после ее перехода под власть России (Копенгагенские акты, I, № 31).

⁷⁶ Датский архив, №№ 187—189, 230, 265, 272—275, 284, 293—296, 432, 544, 592, 613; Копенгагенские акты, I, №№ 75, 138, 142—144, 153; II, №№ 207, 212—215, 222, 230, 232. — В одном из этих документов (от 1572 г.) сообщается, что брат копенгагенского бургомистра Андерс Гессе уже в течение многих лет ведет торговлю с русскими подданными (Копенгагенские акты, II, № 214). О датской торговле с Нарвой в 1558—1581 гг. см. также: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос..., т. I, стр. 297, 380, 494; A. Attman. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. Lund, 1944, ss. 70—71, 109, 171, 174, 189, 224, 233—234, 252, 256, 258—260, 276, 279, 284 (автор использует документы не только датского, но и швед-

Есть также одно известие о предпринятой в 1578 г. датскими купцами попытке проехать со своими товарами вместе с датским посольством из Нарвы внутрь России, в Москву; однако русское правительство не разрешило датским купцам вести торговлю в столице⁷⁷ (видимо, потому, что право торговли в Москве не было специально оговорено в предшествующем русско-датском договоре). Сведений об обычной, не вызывавшей конфликты и вмешательство властей, торговле датских купцов в Нарве не сохранилось. Но все же и из имеющихся источников видно, что датские купцы довольно активно участвовали в нарвской торговле с Россией.

После заключения договора стало осуществляться одно из его главных условий — устройство гостинных дворов. Во время пребывания в 1563 г. в Дании русского посольства, посланного для ратификации договора датским королем, в Копенгагене у самой корабельной пристани было отведено место для устройства русского двора; участвовавшим в посольстве новгородским гостям Ивану Лукину и Василию Прохнову было поручено принять это место.⁷⁸ В городе Висби на Готланде участнику русского посольства в Данию дьяку П. Совину тогда же был передан гостинный двор для русских купцов.⁷⁹ Аналогичные меры были предприняты и в России: Иван Грозный 4 ноября 1563 г. издал указ о передаче датским купцам их прежних дворов в Новгороде и Ивангороде.⁸⁰ Правда, дело об устройстве датского двора в Ивангороде затянулось, ибо посланный туда в 1564 г. датский посланник З. Феллинг

ских и польских архивов, особенно сведения о датских судах, захваченных шведскими и польскими каперами на пути к Нарве); F. Westling. Sveriges förhållande till Danmark (1571—1588). «Historisk tidskrift», Stockholm, 1919, ss. 90—91, 134—136. Косвенное указание о производившейся в 60-е годы XVI в. торговле датских купцов с Россией дает проект русско-шведского договора 1567 г., по которому Швеция обязывалась свободно пропускать (через Балтийское море, блокируемое шведскими военными судами) датских купцов, едущих в Россию с медью, оловом и прочими товарами (Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. IV. М., 1902, стр. 122). В 1574 г. датский король специально посылал свою эскадру в Финский залив для защиты датских торговых кораблей, идущих в Нарву (F. Westling, op. cit., ss. 92—93).

⁷⁷ L. Laurson, op. cit., bd. II, s. 401.

⁷⁸ Ю. Н. Щорбачев. Два посольства..., стр. 119; Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 135.

⁷⁹ Дьяк Петр Совин, принявший вместе с гостем Прохновым от датчан двор в Висби, сообщал о нем: «Двор камен, в длину 16 сажен, поперег 8 сажен, хором на нем 18 каменных, да 6 погребов каменные же, ... 2 поварни, конюшня... А церковь Никола Чюдотворец стоит на подоле гостинна двора» (Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 135; Ю. Н. Щорбачев. Два посольства..., стр. 120). — По сведениям Д. В. Цветаева, это и был тот самый двор, который в прошлом принадлежал русским купцам; однако, по данным Копенгагенского архива, датское правительство просто нашло в г. Висби владельца, желавшего в то время продать свой двор, и приобрело этот двор для русских купцов (Копенгагенские акты, I. № 118).

⁸⁰ Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 135.

счел недостаточно удобным место, отведенное для этого двора русскими властями.⁸¹ И вообще из известных в настоящее время источников остается неясным, были ли все названные дворы введены в действие.⁸²

Зато точно известно, что были осуществлены условия договора о праве проезда торговых кораблей через Зунд в Россию и из России. Датское правительство благоприятствовало нарвской торговле и большую часть времени «нарвской навигации» 1558—1581 гг. свободно пропускало через Зунд корабли, идущие в Нарву и из Нарвы.⁸³ Ежегодно в период «нарвской навигации» в Нарву приходили корабли из Англии, Шотландии, Голландии, Франции, Гамбурга и других немецких городов, лежавших за пределами Балтийского моря.⁸⁴ И что особенно примечательно, правом проезда через Зунд на запад воспользовались и русские торговые корабли. Видимо, таких кораблей было за 23 года «нарвского плавания» очень немного, но важен сам факт, что отдельные русские торговые суда (вероятно, впервые) прошли в эти годы из Балтики через Зунд в страны Западной Европы.⁸⁵

⁸¹ Датский архив, №№ 166, 178, 181, 183; Копенгагенские акты, I, №№ 135, 136, 138, 141; СГГпД, ч. V, № 120; Г. В. Форстен. 1) Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, т. I. СПб., 1889, № 24; 2) Балтийский вопрос..., т. I, стр. 297; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 210. — Из сохранившихся в Копенгагенском архиве донесений Феллинга из Нарвы (Г. В. Форстен. Акты и письма..., т. I, №№ 21, 24) видно, что Феллинг не ограничивался заботами об устройстве датского двора, но (вероятно, по поручению своего правительства) старался воспрепятствовать русской торговле с владениями враждебной датчанам Швеции, т. е. по существу пытался установить свой контроль над русской торговлей через Нарву (H. Hjårne. Svensk-ryska förhandlingar 1564—1572. Uppsala, 1897, ss. 52—54; A. Attman, op. cit., s. 192, not. 57; W. Kirchner, op. cit., pp. 87—88).

⁸² Ю. Н. Щербачев не нашел в Копенгагенском архиве сведений о том, был ли устроен и введен в действие русский двор в Копенгагене и функционировали ли остальные названные дворы. Не найдено пока таких сведений и в русских архивах. Может быть, не случайно в текст торговых статей следующего датско-русского договора (1578 г.), почти полностью повторяющего текст аналогичных статей договора 1562 г., статья о гостинных дворах включена не была.

⁸³ A. Attman, op. cit., ss. 220—225, 236—238, 277; F. Westling, op. cit., ss. 67, 86, 91—93. — В своей грамоте от 23 августа 1564 г. датский король Фредерик II прямо указывал, что датские власти «из дружеской любви» к России пропускают через Зундский пролив идущие из западноевропейских стран в русские владения (в Нарву) купеческие корабли с товарами (СГГпД, ч. V, № 120).

⁸⁴ Копенгагенские акты, I, №№ 126, 136, 141 (см. также №№ 133, 137, 139); Русские акты Ревельского городского архива. «Русская историческая библиотека», т. XV. СПб., 1894, №№ 78, 81, 84, 93; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос..., т. I, стр. 416—417; F. Westling, op. cit., ss. 88, 90; A. Attman, op. cit., ss. 49—51, 56, 70—73, 76, 153—157, 170, 187—188, 242, 259, 273, 284.

⁸⁵ Русские акты, № 23; Копенгагенские акты, I, № 144; Датский архив, №№ 180, 189, 190. — В последних двух документах упоминается русское судно, проходившее Зундский пролив у Гельсингёра, т. е. у вы-

Имеются некоторые сведения о торговле русских людей в 1560-е годы в Копенгагене. Так, в 1562—1563 гг. вместе с русскими послами, ездившими для подтверждения датским королем договора с Россией, несколько русских купцов совершили поездку в Копенгаген и, видимо, занимались там торговлей.⁸⁶ От 1566 г. сохранилось написанное в Копенгагене письмо (грамотка) двух приказчиков ивангородского купца, посланных для ведения торговли в датскую столицу; из письма видно, что приказчики зимовали в Копенгагене и успешно вели торговые дела.⁸⁷ Других данных о русской торговле в Дании в источниках не найдено.

В 1578 г. в результате переговоров посольства Ульфельда с русским правительством в Александровой слободе был составлен новый русско-датский договор.⁸⁸ Подготовленный в исключительно острый момент Ливонской войны, когда Русское государство добилось наибольших военно-политических успехов и по-прежнему было заинтересовано в укреплении отношений с Данией, договор в его торговых статьях должен был вновь подтвердить и закрепить те весьма благоприятные условия для взаимной торговли, которые были установлены договором 1562 г. Почти все экономические статьи договора 1578 г. дословно или почти дословно повторяли текст статей предшествующего договора; не была включена в новый договор лишь статья о торговых дворах. Однако в следующем 1579 г., когда русские послы прибыли в Данию для ратификации договора, международная обстановка резко изменилась не в пользу России, отношения России и Дании заметно ухудшились, и датское правительство отказалось ратифицировать договор.⁸⁹ И с тех пор и до 1684 г.⁹⁰ русско-датские отношения не оформлялись двусторонним соглашением.

Неудачное для России завершение Ливонской войны, утрата Россией в 1581 г. Нарвы, Ивангорода и почти всего русского побережья Финского залива привели, видимо, к временному прекращению (до конца XVI в.) датско-русских торговых связей на Балтике.⁹¹ После возвращения России утраченного в 1581 г. берега

хода из Зунда в Атлантический океан. Кроме того, правом прохода через Зунд в этот период пользовались находившиеся в 1558—1581 гг. в подданстве России немецкие нарвские купцы (Русские акты Ревельского архива, №№ 75, 87).

⁸⁶ СГГид, ч. V, № 120; Ю. Н. Щербачев. Два посольства..., стр. 119; Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 135.

⁸⁷ Русские акты Ревельского архива, № 77.

⁸⁸ Русские акты. № 39; L. Laurson, op. cit., bd. II. №№ 25-A, 25-B.

⁸⁹ Датский архив, № 419; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 242; Ю. Н. Щербачев. Два посольства..., стр. 169—171; L. Laurson, op. cit., bd. II. ss. 400—402.

⁹⁰ Точнее — даже до 1699 г., ибо договор 1684 г. не охватывал основных сторон русско-датских отношений, а был посвящен частным процедурным вопросам.

⁹¹ Единственное обнаруженное до настоящего времени известие о торговле датских купцов в России в эти годы — упоминаемая Н. М. Карам-

Финского залива по Тязвлинскому миру со Швецией (1595 г.) датские купцы в конце 90-х годов пытались возобновить свои торговые поездки в Ивангород, но им стали препятствовать шведские власти города Нарвы.⁹²

Дипломатические сношения между обоими правительствами по вопросам русско-датской торговли были возобновлены во время русско-датских переговоров 1601—1603 гг. о намечавшемся браке царевны Ксении Годуновой с одним из датских принцев.⁹³ Правительство Бориса Годунова было весьма заинтересовано в тот момент в заключении династического брака и в общем укреплении отношений с Данией. Поэтому оно пошло навстречу выраженному в 1603 г. посольством Гюлленшерна пожеланию датского правительства⁹⁴ о восстановлении благоприятных условий для взаимной торговли. Правда, выполнены были не все требования датской стороны. В своем ответном извещении датским послам русское правительство обязалось предоставить датским купцам право приезжать в Россию и вести там свободную торговлю под охраной русских властей; в соответствии с просьбой датского правительства было дано право устройства датских гостиных дворов в Новгороде, Пскове, Ивангороде и в столице России — Москве.⁹⁵ Последнее условие было значительным расширением прежних прав — ранее по жалованной грамоте 1517 г. и по договору 1562 г. разрешалось датчанам иметь дворы лишь в Новгороде и Ивангороде. Но испрашиваемые датским правительством права беспошлинной торговли и устройства церквей при гостиных дворах предоставлены не были,⁹⁶ как противоречащие общему порядку, су-

занным проезжая грамота, выданная 13 августа 1592 г. по распоряжению датского короля направлявшемуся в Россию с товарами купцу Павлу Мейгеру (Н. М. Карамзин, ук. соч., кн. III, СПб., 1843, Примечания к X тому, стр. 21, прим. 94). Судя по фамилии (Мейгер — скорее всего искаженная при переводе распространенная немецкая фамилия Мейер), купец, по-видимому, был по национальности немцем, но известно, что в Копенгагене было немало немецких купцов; выдача проезжей грамоты датскими властями скорее всего говорит за то, что купец жил в Дании. Из того факта, что грамота найдена Карамзиным в Московском архиве, следует, что Мейгер достиг места своего назначения (Москвы или, во всяком случае, одного из русских городов, откуда могли переслать грамоту в столицу).

⁹² Датский архив, № 547.

⁹³ Там же, №№ 547, 613.

⁹⁴ А. Ф. Büsching, *op. cit.*, Тl. VII, S. 316; Г. В. Форстен. 1) Сношения Дании с Россией в царствование Христиана IV. «Журнал Министерства народного просвещения», 1892, № 4, стр. 292; 2) Балтийский вопрос..., т. II, СПб., 1894, стр. 102—103.

⁹⁵ Русские акты, № 90; А. Ф. Büsching, *op. cit.*, Тl. VII, S. 317. — Правда, все эти условия содержались не в двустороннем договоре, а в одностороннем волеизъявлении русского правительства (А. С. Мулюкин. Очерки..., стр. 270), но и в таком виде они могли иметь важное значение для дальнейшего развития русско-датской торговли.

⁹⁶ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос..., т. II, стр. 103. — Русское правительство не взяло на себя также обязательство обеспечить право

ществовавшему в России.⁹⁷ Со своей стороны, датский король Христиан IV через своих послов обещал обеспечить русским торговым людям право свободной торговли на территории Дании.⁹⁸

Однако благоприятно установленные условия русско-датской торговли на этот раз не смогли осуществиться — уже в следующем году началась интервенция в Россию, приведшая к крушению правительства Годунова (а с ним — и обязательств этого правительства)⁹⁹ и затянувшаяся до 1617—1618 гг., одновременно в Прибалтике шли военные действия Польши со Швецией, усилившиеся с 1617 г. и длившиеся до 1629 г. Видимо, до конца 1620-х годов торговые сношения России и Дании на Балтике были полностью прерваны.

После польско-шведской интервенции в Русском государстве и после Столбовского мира, лишившего Россию выхода к Балтике, завершился процесс перемещения основного направления русской внешней торговли с Балтийского на северные моря. С этого времени в торговле с Россией по северному пути стала участвовать и Дания.¹⁰⁰ В 1619 г. датский король отправил царю Михаилу Федоровичу грамоту с просьбой разрешить датским подданным-купцам торговать на Двине; разрешение было дано,¹⁰¹ торговые поездки датских подданных, начавшиеся уже в предшествующие годы, стали продолжаться. Так, еще до 1619 г. в Колу неоднократно приезжал копенгагенский купец Клемент Блум,¹⁰² есть также отдельные сведения о плаваниях датских торговых кораблей в начале 1620-х годов в Архангельск.¹⁰³ Сохранилась жалоба датских купцов от 1622 г. на неблагоприятные условия их торговли на Мурманском берегу и в Архангельске; в частности, датские купцы жаловались на злоупотребления русских таможенников.¹⁰⁴

датских купцов высаживаться на ивангородской стороне Наровы, ибо на основании Тивзинского договора 1595 г. шведские власти препятствовали высадке иностранных купцов в Ивангороде.

⁹⁷ И. П. Шаскольский. Столбовский мир..., стр. 103—104, 175—176.

⁹⁸ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос..., т. II, стр. 403.

⁹⁹ А. С. Мулюкин. Очерки..., стр. 270—271.

¹⁰⁰ Поскольку северный путь в Россию начал использоваться еще с середины XVI в., не исключено, что отдельные датские купцы стали ездить на русское северное побережье (наряду с норвежскими купцами) во второй половине XVI в.; но первые сведения об этом известны лишь с конца 1610-х годов.

¹⁰¹ Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 216.

¹⁰² Н. И. Ульянов. Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII в. «Исторический сборник», I, Л., 1934, стр. 130. — «Клим Юрьев» в русских документах — Клемент Йёргенсен Блум (Clemens Jørgensen Bloom).

¹⁰³ Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 304.

¹⁰⁴ Датский архив, № 700; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 304—305. — Правда, нет полной уверенности, идет ли речь о датских или подвластных Дании норвежских купцах, или же о тех и других.

В 1619 г. у группы копенгагенских купцов, прослышавших об обилии ценной пушнины на р. Печоре, возникла мысль создать специальную купеческую компанию по торговле с Печорой. Организованная при поддержке самого короля Христиана IV компания включила в себя «бурмистров, и ратманов, и полатников копенгагенских» и получила значительные средства от казны.¹⁰⁵ Король обратился к царю Михаилу Федоровичу с просьбой о разрешении датским купцам завести торговлю на Печоре и поставить там свой торговый двор,¹⁰⁶ но, не дождавшись ответа из России, компания уже летом 1619 г. отправила к устью Печоры свой корабль «Св. Михаил» со значительным количеством товаров, предназначенных для обмена на русские меха. Однако все это предприятие кончилось полной неудачей. Датскому кораблю, видимо, удалось в то лето добраться до Печоры, но на обратном пути пришлось остановиться на зимовку в Коле. Русское правительство решительно отказалось разрешать датским купцам торговлю на Печоре, ссылаясь на то, что суровые природные условия там не благоприятствуют устройству торгового сношения с иностранцами.¹⁰⁷ За попытку без разрешения проехать на Печору корабль вместе с товарами был задержан русскими властями в Коле. Возглавлявший экспедицию копенгагенский купец Блум был отправлен в Архангельск для допроса и был отпущен лишь летом следующего года. Русское правительство в 1620 г. подтвердило свое запрещение торговли на Печоре и пригласило датских купцов приезжать

¹⁰⁵ K. Rasmussen, *op. cit.*, s. 24; Н. И. Ульянов, *ук. соч.*, стр. 130.

¹⁰⁶ Датский архив, №№ 681, 682; A. F. Büsching, *op. cit.*, Tl. VII, S. 326.

¹⁰⁷ В действительности русское правительство с конца XVI в. вообще не хотело допускать иностранных купцов на северное побережье Европейской России и Сибири, кроме Архангельска, и в первой половине XVII в. неоднократно предпринимало меры для запрещения торговли и мореплавания иностранных купцов к востоку от Белого моря (Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ) т. III, № 55; т. V, № 40; «Русская историческая библиотека», т. II, СПб., 1875, № 254 — I, II, V, VII—XI; т. VIII, СПб., 1884, № 11—IX; А. С. Мулюкин. Приезд иностранцев. . ., стр. 49; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. (История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1). М., 1956, стр. 95). — Русское правительство с достаточным основанием опасалось, что обладающие значительными капиталами и большим числом морских торговых судов и имевшие в этом преимуществе перед русскими купцами, купцы Англии, Голландии, Дании смогут захватить в свои руки скупку ценных товаров промыслов русского Севера, в особенности самого ценного товара — пушнины. Напротив, при сосредоточении всей торговли с иностранцами в Архангельске под контролем русских властей иностранные купцы сохраняли возможность вести только оптовую торговлю, лишались возможности самим ездить по русскому северному побережью для скупки товаров по более дешевой цене у местного населения, и все доходы от скупки и перепродажи северных товаров оставались в руках русского купечества.

в Архангельск, где обещало создать самые благоприятные условия для их торговли.¹⁰⁸

Поскольку в печорской экспедиции были материально заинтересованы многие влиятельные копенгагенские купцы и сам король, неудача экспедиции и задержание ее товаров русскими властями привели к серьезному конфликту. В 1623 г. датские военные корабли ходили на Мурман и в возмещение убытков «Печорской компании» отобрали товары у всех встреченных на побережье русских промысловников.¹⁰⁹ Однако изменившаяся затем международная обстановка — втягивание и Дании, и России в общеевропейские события, связанные с Тридцатилетней войной, — заставила вскоре забыть взаимные обиды.

В 1653 г. была предпринята новая попытка совершить торговую экспедицию к арктическому побережью России восточнее Архангельска. Основанная незадолго до того в 1647 г. при участии короля Фредерика III копенгагенская Торговая компания, созданная для ведения торговли на северных берегах Европы, отправила 3 корабля вдоль побережья Норвегии на восток с заданием разведать пути к славящимся своими пушными богатствами областям крайнего Севера России, лежащим к востоку от Белого моря, в северном Приуралье и за Уралом. Датские купцы проехали по суше в районе русско-норвежской границы от Варангер-фьорда до Колы и скупили меха у лопарей (саамов) и у русских жителей Колы; дойдя затем на кораблях до устья Печоры, датские купцы от Пустозерска на санях перебрались через Уральские горы и доехали до Ляпина городка в бассейне реки Оби, скупая у самоедов (ненцев), остяков (хантов) и у местных русских людей пушнину; часть мехов приобреталась прямо на деньги, часть — в обмен на табак, водку, привозные ткани. Далее датские корабли посетили Новую землю, но там не смогли вступить в контакт с местными жителями.¹¹⁰ Повторялись ли подобные экспедиции позднее — сведений не имеется.

¹⁰⁸ Датский архив, №№ 684, 686—689; Русские акты, №№ 105, 107, 108; А. Ф. Вүсчинг, *op. cit.*, т. VII, ss. 326—329; Н. Н. Бантыш-Каменский, *ук. соч.*, ч. I, стр. 216; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 302; O. A. Johnsen. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland under Kristian IV. In: Tromsø museums skrifter, vol. II (Festskrift til rektor J. Qvigstad). Oslo, 1928, ss. 91—93; М. И. Белов, *ук. соч.*, стр. 89—90; S. Dalgaard. Det petsoriske kompani af 1619. København, 1955; K. Rasmussen, *op. cit.*, s. 25.

¹⁰⁹ Датский архив, №№ 691, 692, 694, 697, 706, 707, 711—714; Русские акты, №№ 110, 113, 115, 117; O. A. Johnsen. 1) Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 93; 2) Finmarkens politiske historie. «Skrifter utgit av Videnskapsselskapet i Kristiania». 1922. II. Historisk-filosofisk klasse, bd. I, № 3. Kristiania, 1923, ss. 142—143; Н. И. Ульянов, *ук. соч.*, стр. 128—131; K. Selnes. Le conflit dano-russes sur la frontière norvegienne. «Scando-Slavica», t. VII, Copenhagen, 1961, p. 324.

¹¹⁰ П. М. де Ламартиньер. Путешествие в Северные страны. Перевод и прим. В. Н. Семенковича. «Записки Московского археологического института», т. XV, 1912, стр. 1. 21—40, 44—61, 69—72, 76—77, 92—93.

На Балтике длительный период войн в первые десятилетия XVII в. привел, как уже говорилось, к упадку (и даже, вероятно, к полному прекращению) русско-датской торговли. В 1631 г. для урегулирования накопившихся политических и экономических проблем в Москву было отправлено из Копенгагена посольство Мальте Юля. Мальте Юлю в его инструкции¹¹¹ было поручено добиться от русского правительства восстановления тех весьма благоприятных для датских подданных условий торговли в России, которые в прошлом были установлены договорами 1516 и 1562 гг., и дальнейшего расширения этих условий. Конечной целью посольства должно было быть заключение нового русско-датского договора. Во время переговоров в Москве¹¹² Мальте Юль, согласно своей инструкции, выдвинул требования восстановить право датских подданных-кунцов торговать в Новгороде, Пскове и Москве и вместо утраченного Россией Ивангорода — в Архангельске, разрешить им устройство в этих городах гостиных дворов с церквями, предоставить право беспошлинной торговли, право собственного суда, право свободного проезда через Россию в Персию, а также просил дать разрешение на ежегодный и беспошлинный вывоз хлеба из Архангельска. Была выдвинута также просьба официально признать датского королевского приказчика голландского купца Давида Рютца датским агентом в России с тем, чтобы он надзирал за датскими торговыми дворами и за торговлей датских подданных.¹¹³

Русское правительство подтвердило свое разрешение датским купцам беспрепятственно торговать в России, в том числе в четырех названных городах, и согласилось дать право купить или построить торговые дворы в Новгороде, Пскове и Архангельске; в Москве же в качестве датского двора мог использоваться двор, купленный незадолго до того датским приказчиком Давидом Рютцем. В Архангельске предоставлялось право торговать неограни-

¹¹¹ Nye Danske Magazin, bd. II, København, 1806, ss. 351—364; см. также: Датский архив, № 743; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 307.

¹¹² Отчет Мальте Юля о его посольстве в Москву (в подлиннике на немецком языке) опубликован: Malte Juel. Relation und Bericht. «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете», вып. XII. Одесса, 1905, Приложение, стр. 1—86. — Копию отчета Мальте Юля о переговорах 1631 г. см.: Архив ЛОИИ, колл. 276, оп. 1, д. 51 (см. об этом на стр. 355 в наст. сборнике).

¹¹³ Malte Juel, op. cit., стр. 29—32; см. также: П. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. 1, стр. 218; J. A. Fridericia. Danmarks ydre politiske Historie i Tiden fra Freden i Lybek til Freden i Kjøbenhavn, bd. I. København, 1876, s. 196; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 307, 314, 317, 318, 322—323; Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 167—169; O. A. Johnson. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrusland..., s. 94; D. Norrman. Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tyska kriget. Uppsala, 1943, s. 82; E. Amburger. Familie Marselis. Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. Gießen, 1957, S. 74.

ценному количеству датских купцов, в других городах — только от 6 до 10 купцов. Было дано согласие признать Давида Рютца датским агентом. Было также дано разрешение на продолжение вывоза хлеба из Архангельска. Претензии на право беспошлинной торговли и на устройство церквей при гостинных дворах были отклонены как не соответствующие порядкам, существующим в России. Не было дано и разрешение на проезд датских купцов в Персию.¹¹⁴ Но одновременно русское правительство потребовало, чтобы в подготовляемое соглашение были включены и аналогичные обязательства датской стороны, чтобы и русским подданным было обеспечено право беспрепятственной торговли на территории Датского королевства (т. е. в Дании и Норвегии) и чтобы им было дано право устройства гостинных дворов в равном числе городов (т. е. в четырех городах) в датских владениях. На подобные условия у Мальте Юля не было полномочий, и заключение соглашения по экономическим вопросам оказалось невозможным; переговоры по политическим вопросам также были безрезультатны.¹¹⁵

В 1636 и 1637 гг. по просьбе двух крупных копенгагенских купцов Николауса Гольмера и Ганса Трегорда датское правительство обратилось к царю Михаилу Федоровичу с просьбой разрешить этим купцам свободно торговать в Новгороде и Пскове и устроить там свои торговые дворы.¹¹⁶ Русское правительство дважды, в 1637 и 1639 гг., обещало удовлетворить эту просьбу, но опять же при условии, что аналогичные права будут даны в двух датских городах русским купцам; датское правительство не ответило на это требование, и вопрос остался нерешенным.¹¹⁷

Новые переговоры по вопросу об официальном обеспечении условий русско-датской торговли проходили в 1641—1645 гг.,

¹¹⁴ Таким правом обладали в России только английские купцы; многие другие западноевропейские государства безуспешно домогались в XVI—XVII вв. подобного права (И. П. Шаскольский. Столбовский мир..., стр. 45).

¹¹⁵ Malte Juel, *op. cit.*, стр. 38—40, 45—47, 60—63, 66, 72—73; см. также: Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 315—323; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2. СПб., 1896, стлб. 1184—1185; Д. В. Цветаев, *ук. соч.*, стр. 167—170; D. Norman, *op. cit.*, ss. 82—83; E. Amburger, *op. cit.*, S. 74; K. Rasmussen, *op. cit.*, ss. 25—26.

¹¹⁶ Датский архив, №№ 778, 779; J. A. Fridericia, *op. cit.*, *bd. II*, 1881, ss. 288, 316—317; Д. В. Цветаев, *ук. соч.*, стр. 170; E. Amburger, *op. cit.*, S. 75. — Оба купца хотели вывозить из Новгорода и Пскова лен и пеньку.

¹¹⁷ Датский архив, №№ 784, 799; A. F. Busching, *op. cit.*, *Тl. VII*, SS. 330—331; Русские акты, №№ 133, 136; Д. В. Цветаев, *ук. соч.*, стр. 170; П. Н. Вантыш-Каменский, *ук. соч.*, ч. I, стр. 220; E. Amburger, *op. cit.*, S. 75. — Готовы эти ответы, Посольский приказ послал запросы в Новгород и Псков, стояли ли там когда-нибудь датские дворы. Псковский воевода ответил, что во Пскове никто не помнит о существовании такого двора. Ответ из Новгорода не сохранился (Д. В. Цветаев, *ук. соч.*, стр. 170).

когда развернулись дипломатические сношения с целью устройства династического брака между дочерью царя Михаила Федоровича и побочным сыном короля Христиана IV, графом Вальдемаром-Христианом.¹¹⁸

Экономические вопросы в наибольшем объеме подверглись обсуждению во время переговоров 1641 г. в Москве. Датские послы требовали для своих купцов права свободной торговли по всему Русскому государству; им был дан ответ, что датские купцы могут приезжать в Россию в количестве 5—6 человек и торговать оптом, а не в розницу, с уплатой обычных пошлин. Вновь, как и в 1631 г., с датской стороны были выдвинуты требования устройства датских гостинных дворов в Пскове, Новгороде, Архангельске, Москве и сверх того — в Холмогорах и устройства церквей при этих дворах. Русское правительство снова, как и в 1631 г., ответило, что оно разрешает купить или строить дворы в Пскове, Новгороде и Архангельске без устройства лютеранских церквей, а в Москве уже имеется двор датского приказчика Давида Рютца; со своей стороны, русское правительство вновь выдвинуло требование об устройстве русских гостинных дворов в датских владениях. Датское требование розыска и возвращения товаров с потерпевших крушение кораблей без взимания пошлины с возвращаемых товаров было принято с указанием, что в России и ранее никогда не взималась подобная пошлина.¹¹⁹ Датские послы, стремясь использовать благоприятную обстановку (заинтересованность русского правительства в заключении династического брака), стали просить предоставить датским купцам монополию на скупку в России юфти и кож при условии уплаты повышенной пошлины (7% вместо 4%); для этой цели предполагалось создать специальную датскую купеческую компанию. Однако, поскольку кожи и юфть были одними из главных русских экспортных товаров и поскольку русское правительство вообще не допускало установления монопольных прав каких-либо групп иноземного купечества, это домогательство было отвергнуто. На просьбу разрешить датчанам иметь в Москве своих агентов и приказчиков было дано право иметь одного агента (уже существующего — Давида Рютца). Из-за невозможности прийти к соглашению по политическим и процедурным вопросам переговоры вновь окончились безрезультатно.¹²⁰

¹¹⁸ J. A. Fridericia, *op. cit.*, bd. II, ss. 317—320; Н. Н. Бантыш-Каменский, *ук. соч.*, ч. I, стр. 221; Д. В. Цветаев, *ук. соч.*, стр. 476—510; E. Amburger, *op. cit.*, SS. 85—91.

¹¹⁹ Как известно, в России не было «берегового права» и товары с потерпевших крушение кораблей полагалось возвращать владельцам; см.: И. Э. Клейнберг. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. В сб.: *Международные связи России до XVII в.*, М., 1961, стр. 359—365.

¹²⁰ Датский архив, №№ 808—810; A. F. Büsching, *op. cit.*, Tl. VII, S. 336; Д. В. Цветаев, *ук. соч.*, стр. 170—171; С. М. Соловьев,

Новая попытка достичь договоренности и заключить соглашение по торговым вопросам была предпринята во время переговоров 1644—1645 гг.; с обеих сторон были выдвинуты те же условия соглашения, что и в 1641 г., и из-за невозможности договориться по политическим вопросам переговоры вновь не дали результатов.¹²¹

Затем переговоры по общим вопросам взаимной торговли и попытка заключения торгового договора были предприняты в 1656 г., когда Россия начала войну со Швецией и уговаривала вступить в войну против общего политического противника и Данию.

В грамоте царя Алексея Михайловича датскому королю Фредерику III, отправленной с русским послом Д. Е. Мышецким с целью проведения переговоров о военном союзе против Швеции, содержалась также просьба «для нашей великого государя, нашего царского величества, брацкие дружбы и любви, поволити нашего царского величества всяким купецким людем с товары Варяжским морем ходить и всякими товары торговать, и товары ж на товары менять и с собою вывозить повольно, чтоб им ни в которых ваших королевского величества городех и местех задержанья и зацепки какие не было».¹²² Собираясь в ходе успешно начавшейся войны избавиться от тяжелых для России условий Столбовского мира и вернуть России выход к Балтике, русское правительство уже стремилось обеспечить своим торговым людям право свободно плавать по Балтийскому морю и торговать в портовых городах Дании.¹²³ В грамоте содержалась просьба предоставить русским торговым людям право беспешлинной торговли в датских владениях.¹²⁴ В начале переговоров в качестве условий соглашения по экономическим вопросам были с датской стороны выдвинуты требования предоставить купцам Датского королевства право свободно торговать в России и устраивать при своих гостиных дворах лютеранские церкви, право заводить канатные фабрики и др.¹²⁵ Однако специального соглашения по этим проблемам достигнуто не было.¹²⁶

Новая попытка политического сближения и заключения русско-датского договора по политическим и экономическим вопросам

ук. соч., кн. 2, стлб. 1267—1268; O. A. Johnsen. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland... s. 95.

¹²¹ Датский архив, №№ 828, 829; Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 171.

¹²² Русские акты, № 155.

¹²³ По условиям Столбовского мира русские торговые люди имели право совершать плаванья по Балтийскому морю только в пределах шведских владений и не могли ездить в порты других балтийских стран, в том числе и Дании (И. П. Шаскольский. Столбовский мир..., стр. 81—83).

¹²⁴ Русские акты, № 155.

¹²⁵ Датский архив, № 900.

¹²⁶ Было достигнуто лишь устное политическое соглашение о совместной борьбе со Швецией.

была предпринята в 1676—1677 гг. во время обострения отношений России со Швецией. Начавшая в 1675 г. войну со Швецией, Дания была заинтересована в том, чтобы получить политическую и военную поддержку со стороны России, и отправленному в 1676 г. в Москву послу Ф. Габелю король поручил добиваться заключения военного союза и вместе с ним — экономического соглашения. В ходе переговоров весной 1677 г. Габель предложил от имени своего короля в качестве выгодного для России условия заключения военного союза обещание не взимать в течение 20 лет зундские пошлины с русских товаров, когда в результате союзных действий России и Дании Россия отберет у шведов Лифляндию; если же русские товары будут перевозиться на датских торговых судах, освобождение от зундских пошлин будет продлено до 50 лет. Для ведения русской морской торговли Габель от имени своего правительства предлагал предоставить русским купцам возможность нанимать датские торговые суда, а также устроить русский гостинный двор в Копенгагене. Однако русско-шведские отношения к тому времени вновь смягчились, союз с Данией стал не нужен, и переговоры с Габелем окончились безрезультатно.¹²⁷

Во время русско-датских переговоров в Москве в 1682—1684 гг. экономические темы затрагивались частично. Заключенный в результате переговоров в 1684 г. договор касался лишь ограниченного круга процедурных вопросов русско-датских отношений.¹²⁸ С тех пор и до конца XVII в. более не предпринималось попыток заключения договора России и Дании по политическим и экономическим проблемам.

Тем не менее отсутствие в течение всего XVII в. специального торгового и политического договора не мешало успешному развитию политических и экономических отношений между обоими государствами. Прежде всего продолжала на протяжении всего столетия вестись торговля между датскими и русскими купцами на балтийском и северном направлениях. В силу условий Столбовского мира, лишившего русских купцов права ездить по Балтийскому морю далее Стокгольма, и вследствие отсутствия русских торговых судов на северных морях русско-датская торговля носила активный характер только с датской стороны; русские купцы не ездили в Данию. Недостаток сведений в источниках не позволяет судить, были ли торговые поездки датских купцов в Россию постоянными, регулярными, или же совершались от случая к случаю. Но все же имеется ряд данных о торговле датских купцов на русской территории. Так, известно, что на про-

¹²⁷ Е. Замысловский. Сношения России с Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича. «Русский вестник», 1889, № 1, стр. 29—33.

¹²⁸ Датский архив, №№ 1036—1040, 1047—1052, 1054, 1055; Русские акты, № 183.

тяжении нескольких десятилетий, с конца 1620-х годов и до 1659 г. в России торговал датский приказчик (а с 1654 г. — резидент) Давид Рютц,¹²⁹ имевший в Москве на Покровке свой двор (куплен в 1628—1631 гг.); этот двор фактически служил гостиным двором в случаях приезда в Москву датских купцов.¹³⁰ Тоже с конца 20-х годов XVII в. в роли датских торговых агентов стали выступать представители купеческой семьи Марселлис, игравшие с тех пор и до конца XVII столетия заметную роль в русской экономической жизни.¹³¹ В источниках упоминается еще несколько фамилий датских купцов в связи с их торговыми делами в России.¹³²

Чтобы объединить энергию и капиталы датских купцов для успешной борьбы за господство в балтийской торговле, в 1636 г. была утверждена королем «Балтийская компания», одной из главных задач которой должно было быть ведение торговли с Россией (а также с Польшей и «другими балтийскими городами»). В 1640 г. компания создала свое торговое представительство в Москве; ее представителем стал купец Петер Марселлис.¹³³ Однако, судя по отсутствию сведений в источниках за последующие годы, по-видимому, это предприятие успеха не имело. Столь же безуспешна была и предпринятая в 1640 г. попытка организовать торговую компанию для вывоза из России одного из наиболее ценных, специфически русских товаров — икры.¹³⁴

В экономических связях России и Дании с 20-х годов XVII в. особенно важное значение приобрела казенная торговля хлебом. Нужно при этом иметь в виду, что в 20—30-е и в 50-е годы XVII в. одной из форм внешних экономических отношений России стала казенная торговля хлебом через Архангельск — продажа некоторым странам крупных партий зерна, являвшаяся замаскированной экономической субсидией дружественным государствам. При этом Дания явилась первой страной, которой было предоставлено в 1627 г. право хлебной закупки.¹³⁵ Дания в то время вступила в Тридцатилетнюю войну и стала

¹²⁹ В русских источниках «Давид Николаев».

¹³⁰ Д. В. Цветаев, ук. соч., стр. 166—168; Б. Г. Курц, Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914, стр. 37, прим. 3.

¹³¹ E. A m b u r g e r, op. cit., SS. 70—191.

¹³² Датский архив, №№ 777—779, 783, 784, 786, 789, 792, 793, 802, 803, 806, 818, 822, 949; Русские акты, №№ 132, 142 (здесь не учитываются документы о казенной торговле; о ней см. ниже).

¹³³ O. A. J o h n s e n. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 95; Danmarks historie, bd. 7. Kjøbenhavn, 1964, s. 328.

¹³⁴ Датский архив, № 803; O. A. J o h n s e n. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 95.

¹³⁵ Для правильного понимания важности этой меры нужно иметь в виду, что в 1606 г. вывоз хлеба из России был категорически запрещен и нарушения этого запрещения стали допускаться лишь с указываемого здесь случая (с 1627 г.), каждый раз по особому разрешению царя (А. С. Мулюкин. Очерки..., стр. 35—40; E. A m b u r g e r, op. cit., S. 71).

вести военные действия против коалиции католических государств, враждебной России, и потому русское правительство стало оказывать Дании скрытую финансовую поддержку, разрешив закупить в России значительную партию хлеба; хлеб было разрешено покупать на особо благоприятных условиях, не у «царских купчин», а непосредственно на внутреннем рынке (т. е. по самой дешевой рыночной цене), и притом без уплаты пошлины.¹³⁶ Закупленный по дешевой цене хлеб затем отвозился по морю на главный европейский хлебный рынок в Голландию и продавался по существующей там высокой цене, а полученная прибыль шла в датскую казну и могла быть использована на военные расходы.¹³⁷ Пока Дания вела войну с габсбургской коалицией, по просьбам датского правительства¹³⁸ правительство России трижды — в 1627, 1628 и 1629 гг. — предоставляло право датским уполномоченным (приказчикам, факторам) производить на самых благоприятных условиях закупку хлеба через Архангельск.¹³⁹ Практически эта операция производилась главным датским фактором в России Давидом Рютцом,¹⁴⁰ с 1628 г. в закупках участвовали факторы Габриэль Марселис¹⁴¹ и Альбрехт Беритсен.¹⁴²

С середины 1629 г., после выхода Дании из Тридцатилетней войны, отношение Русского правительства к датским просьбам о продаже хлеба изменилось.¹⁴³ Правда, поскольку Дания, несмотря на выход из войны, оставалась противником габсбургской коалиции, еще в течение четырех лет — в 1630, 1631, 1632 и 1633 гг. — датскому правительству предоставлялось право закупки хлеба, но уже на менее выгодных условиях: с уплатой пошлины,¹⁴⁴

¹³⁶ Б. Ф. Поршнев. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. «Известия Академии наук», сер. ист. и филос., 1945, № 5, стр. 327.

¹³⁷ По словам Б. Ф. Поршнева, «московское правительство в этих случаях просто „уступало“ или жертвовало в пользу датского короля ту сумму, которую оно само могло бы получить с соответствующей доли хлебного экспорта» (Б. Ф. Поршнев, ук. соч., стр. 327).

¹³⁸ Датский архив, №№ 715, 717, 719, 722 (см. также №№ 724, 728); Н. П. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 217—218; O. A. Johnson. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrusland..., ss. 93—94.

¹³⁹ Датский архив, №№ 716, 721, 729; Русские акты, №№ 118, 120, 121; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, S. 329; Н. П. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 217—218; А. С. Мулюкин. Очерки..., стр. 36—37; O. A. Johnson. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrusland..., ss. 93—94; E. Amburger, op. cit., SS. 33, 72.

¹⁴⁰ Датский архив, №№ 715, 716, 718 (см. также № 739).

¹⁴¹ Там же, №№ 717, 721, 729; E. Amburger, op. cit., SS. 33, 72. — Это — первые сведения о начале деятельности в России купеческой семьи Марселисов, гамбургских купцов, выступавших в России в роли датских факторов в течение нескольких десятилетий XVII в.

¹⁴² Датский архив, №№ 717, 721; E. Amburger, op. cit., SS. 32—33, 72. — Беритсен (Берис) — крупнейший копенгагенский купец.

¹⁴³ Б. Ф. Поршнев, ук. соч., стр. 327; E. Amburger, op. cit., S. 73.

¹⁴⁴ Русские акты, №№ 122, 124, 128; Malte Juel, op. cit., стр. 39—40, 45—46, 50, 57—58, 60—61, 66; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Рос-

а в последний год — в 1633 г. — не на внутреннем русском рынке, а из хранящихся в Архангельске казенных запасов хлеба и по более дорогой цене.¹⁴⁵ Практически операция по закупке хлеба в эти последние 4 года датским правительством была поручена подвластным Дании норвежским купцам. В общем за 1627—1633 гг. было продано Дании через Архангельск 109 тыс. четей хлеба.¹⁴⁶ С 1634 г. русское правительство, убедившееся в неудаче Смоленской войны с Польшей и утратившее заинтересованность в поддержке западноевропейских противников коалиции католических держав (включавшей и Польшу), стало отказывать правительству Дании (и правительству Швеции)¹⁴⁷ в выполнении просьб о продолжении продажи хлеба.¹⁴⁸

Ходатайства о продаже хлеба возобновлялись в 1641 и в 1649, 1650 и 1651 гг.¹⁴⁹ Русское правительство, вновь заинтересованное в проведении активной политики на Западе и в укреплении дружественных отношений с Данией, дало в 1650 г. разрешение датскому правительству закупить в Архангельске крупную партию хлеба (видимо, с уплатой пошлин).¹⁵⁰ Спустя несколько лет, накануне и во время русско-шведской войны 1656—1661 гг. и одновременно происходившей датско-шведской войны 1657—1660 гг., когда русское правительство было особенно заинтересовано в укреплении союзнических отношений с Данией, опять был поднят¹⁵¹ вопрос о хлебных закупках, и правительство России дало разрешение Дании на закупку крупной партии (5 тыс. четей) хлеба.¹⁵² Правда, эта закупка в 1659—1661 гг. не была

сией...», стр. 307, 317, 320; Е. Д. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. I. Киев, 1913, стр. 279; O. A. Johnsen. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrusland..., ss. 94—95; E. A. M. burger, op. cit., S. 72.

¹⁴⁵ Русские акты, № 128.

¹⁴⁶ Там же, № 153.

¹⁴⁷ Б. Ф. Поршнев, ук. соч., стр. 330.

¹⁴⁸ Датский архив, №№ 771—773, 782; Русские акты, № 129; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 326—327; O. A. Johnsen. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrusland..., s. 95.

¹⁴⁹ Датский архив, №№ 865, 866, 868, 872—874; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, S. 336; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 221, 227—228.

¹⁵⁰ Датский архив, № 870; Русские акты, № 148. См. также: Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг., стр. 5, 11, 14; К. И. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897, стр. 467.

¹⁵¹ Датский архив, №№ 908, 918, 931; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 230.

¹⁵² Датский архив, №№ 914—916, 918; Русские акты, №№ 159, 164; Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольдландта 1659 г., стр. 386—387, 393, 396; K. Selnes. Russland und der Krieg im Norden 1657—1660. «Scando-Slavica», t. XI. Copenhagen, 1965, S. 271. — Больше того, во время русско-датских переговоров 1658 г. в Москве русское посольство обещало в знак дружбы и союза передать Дании безвозмездно в Архангельском порту 10 тыс. четей хлеба (Русские акты, № 158, § 2; K. Selnes. Russland und der Krieg im Norden 1657—1660,

осуществлена, и позднее, в 1663 г., по просьбе датского правительства было разрешено закупить в Архангельске вместо хлеба соответствующее количество пеньки.¹⁵⁵

В последний раз в течение XVII в. вопрос о казенной закупке хлеба в Архангельске был поднят датским правительством во второй половине 70-х годов, во время новой датско-шведской войны и нового обострения русско-шведских отношений. В 1676 г. по просьбе датского правительства¹⁵⁴ правительство России разрешило беспощадно купить 10 тыс. четей хлеба.¹⁵⁵ Аналогичные просьбы были выдвинуты с датской стороны в 1678, 1679, 1684 и 1694 гг.; осуществлять закупку поручалось датскому резиденту Бутенаунту.¹⁵⁶ В 1684 г. русское правительство разрешило закупить испрашиваемое количество хлеба;¹⁵⁷ были ли даны ответы на остальные три ходатайства, остается неизвестным.

По примеру казенных закупок хлеба в конце 30-х и начале 40-х годов XVII в. был поднят вопрос о закупке в России селитры для нужд Датского государства.¹⁵⁸ Русское правительство в 1639 г. разрешило закупать селитру на тех же условиях, на каких уже ведется закупка селитры для Швеции.¹⁵⁹ Закупка селитры была поручена датским правительством богатому немецко-датскому купцу Петру Марселису, который для выполнения этого задания был официально назначен вторым (наряду с Давидом Рютцом) датским королевским приказчиком (фактором) в России.¹⁶⁰ Когда же оказалось, что на внутреннем русском рынке селитры в тот момент нет, по просьбе датского правительства П. Марселису было отпущено в 1640 г. заимообразно 3 тыс. пудов селитры из русских казенных запасов.¹⁶¹

С. 270); этот дар был принят датским уполномоченным в том же году и отправлен из Архангельска по назначению (Русские акты, № 164).

¹⁵³ Датский архив, №№ 931, 936; Русские акты, № 164.

¹⁵⁴ Датский архив, № 987; Е. Замысловский, ук. соч., стр. 30; Г. В. Форстен. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, IX, стр. 147.

¹⁵⁵ Датский архив, № 999; Русские акты, № 175.

¹⁵⁶ Датский архив, № 1015; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 233.

¹⁵⁷ П. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 235.

¹⁵⁸ Датский архив, № 795; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 326, 329—330; E. A m b u r g e r, op. cit., S. 76. — Немного ранее аналогичную просьбу о продаже селитры представила в 1637 г. другая дружественная в то время России держава — Швеция (РШЭО, стр. 565, прим. 2 к № 75), и русское правительство дало в предшествующем 1638 г. Швеции разрешение на закупку селитры (РШЭО, № 75).

¹⁵⁹ Русские акты, № 135; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 330.

¹⁶⁰ Датский архив, № 801; E. A m b u r g e r, op. cit., S. 76.

¹⁶¹ Датский архив, № 802; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 330; E. A m b u r g e r, op. cit., S. 78. — Возвращение русской казне отпущенных взаймы 3 тыс. пудов селитры затянулось на много лет (Датский архив, №№ 806, 861; E. A m b u r g e r, op. cit., SS. 78, 107).

Русское правительство со своей стороны неоднократно обращалось к Дании с просьбой о продаже стратегических товаров для нужд Русского государства. В 1613 и 1617 гг., во время борьбы против польской и шведской интервенции, русское правительство просило продать ему пушки и боеприпасы;¹⁶² в 1631 г., накануне «Смоленской войны» с Польшей, русское правительство просило продать для вооружения русской армии мушкеты и заряды для них.¹⁶³ Просьбы эти, по-видимому, удовлетворены не были.¹⁶⁴ Зато в 1641 г. П. Марселису, имевшему большие связи в Дании, удалось там закупить и привезти через Архангельск в Москву 10 тыс. мушкетов.¹⁶⁵ Новое обращение русского правительства к правительству Дании, сделанное в 1653 г. (вскоре после начала новой русско-польской войны), с просьбой продать 20 тыс. мушкетов, успеха не имело.¹⁶⁶

Используя благоприятную политическую конъюнктуру (дружественные отношения Дании и России), датские купцы в XVII в. неоднократно делали попытки на свои средства и на русском сырье завести в России промышленные предприятия. Так, в 1638 г. по просьбе датских купцов Николая Кока и Ганса Трегора датское правительство обратилось к русским властям с просьбой разрешить этим купцам устройство в России канатных заводов, но получило отказ.¹⁶⁷ Зато хорошо известно, что датские торговые агенты Марселис и Бутенайт завели в России собственные металлургические заводы, первый — в 30-е годы в Туле, и оба они — в 70-е годы в Олонецком уезде. Однако вопрос о предпринимательской деятельности обоих датских торговых агентов в России требует специального рассмотрения.

Из изложенного видно, что экономические отношения Дании и России, впервые возникшие на заре существования обоих государств, вновь возобновились с конца XV в. и получили опреде-

¹⁶² Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 215; А. Ф. Вүсching, op. cit., Tl. VII, S. 325.

¹⁶³ Датский архив, № 738; Русские акты, № 126; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 326.

¹⁶⁴ Во всяком случае, не обнаружено сведений о выполнении этих просьб.

¹⁶⁵ E. Amburger, op. cit., S. 80; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 221.

¹⁶⁶ Датский архив, № 886. — Видимо, отказ в 1653 г. продать мушкеты был вызван не политическими причинами, а тем, что небольшое Датское государство просто не имело ненужных для собственной армии 20 тыс. мушкетов (K. Selnes. Russland und der Krieg im Norden 1657—1660, S. 267).

¹⁶⁷ Датский архив, №№ 793, 799; А. Ф. Вүсching, op. cit., Tl. VII, S. 331; Русские акты, № 136; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 220; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией..., стр. 328; D. Schäfer, Geschichte Danemarks, Bd. V. Gotha, 1902, S. 701; E. Amburger, op. cit., S. 76.

ленное развитие в течение XVI и XVII столетий. Правда, в XVI и XVII вв. русско-датской торговле мешали частые войны на Балтике и в XVII в. — условия Столбовского мира, сильно ограничившие русскую балтийскую торговлю. Зато постоянным фактором, благоприятствующим экономическим связям, были установившиеся с конца XV в. дружественные политические отношения обеих держав.

II. РОССИЯ И НОРВЕГИЯ

Поскольку Норвегия была наиболее отдаленной от Руси скандинавской страной,¹⁶⁸ экономические связи Руси с Норвегией имели, видимо, меньшие размеры, чем связи со Швецией и Данией, и в первые столетия существования Русского и Норвежского государств мало отражены в источниках. В письменных памятниках — в исландских сагах¹⁶⁹ — имеется лишь два прямых известия о торговых поездках норвежцев в Новгород.¹⁷⁰

¹⁶⁸ Правда, довольно давно существует мнение, будто уже в X в. владения Руси и Норвегии соприкасались на крайнем Севере и имели общую границу. Это мнение было выдвинуто в 1837 г. П. Г. Бутковым (П. Г. Бутков. Три древние договора руссов с норвежцами и шведами. «Журнал Министерства внутренних дел», 1837, ч. XXIII, стр. 325), ошибочно датированным X в. один из древнейших документов русско-норвежских отношений (названный им «Руницей грамотой»). В действительности этот документ относится к XIII в. и является выдержкой из текста русско-норвежского договора 1251 г.; из анализа документа явствует, что и в XIII в. территории Руси и Норвегии еще не соприкасались и не имели общей границы (И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические Бюлетени», 14, 1945, стр. 52—54). Однако давно устаревшее мнение Буткова до сих пор встречает своих сторонников, плохо знакомых с историей русского Севера и всерьез полагающих, что уже в первое столетие своего существования Русское государство, только что с большими усилиями подчинившее все восточнославянские земли, было способно подчинить себе еще и колоссальные редко населенные пространства Севера от Ладоги до Ледовитого океана и до пределов Норвегии (см.: Б. Тельпуховский. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями. «Военно-исторический журнал», 1940, № 3, стр. 129; I. M. Шекера. Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967, стр. 64—65, и др.).

¹⁶⁹ Русские письменные источники до XIV в. вообще не содержат никаких сведений об отношениях с Норвегией.

¹⁷⁰ Остальные известия саг (притом весьма немногочисленные) говорят о политических связях, главным образом о пребывании отдельных норвежских викингов (будущих королей Норвегии Олафа Трюгвессона, Олафа Святого, его сына Магнуса Доброго и его брата Харальда Хардреды и др.) на Руси и об их поездках на Русь и через Русь в Византию (Е. А. Рыдзевская. 1) Сведения о Старой Ладоге в древнескандинавской литературе. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XI, 1945, стр. 53—63; 2) Ярослав Мудрый в древнескандинавской литературе. Там же, вып. VII, 1940, стр. 68—70; F. Braun. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrhunderts. In: Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1924, SS. 168—191); некоторые из подобных поездок могли носить, хотя бы частично, и торговый характер.

Так, в одной из саг упоминается норвежский купец — мореход Гудлейк из Агды, который «часто ездил на Русь, и потому его называли „Гудлейк Русский“». Там же дается описание одной из торговых поездок Гудлейка на Русь, в Новгород; Гудлейк должен был во время этой поездки купить для норвежского короля Олафа «драгоценные товары, которые трудно достать здесь в стране». В числе закупленных в Новгороде товаров были парадные облачения, «меха величайшей ценности» и столовая утварь. В другой саге рассказывается о поездке на Русь Гаука Ястреба, одного из мужей короля Харальда Харфагра, посланного в начале X в. королем в Хольмгард (Новгород), чтобы купить разные предметы роскоши, которые нельзя было приобрести в Норвегии. Кроме того, в саге об Олафе Трюгвессоне рассказывается, что при возвращении Олафа в Норвегию после его пребывания в Киеве на его шести кораблях находился значительный груз шелка, очевидно приобретенного в русских землях.¹⁷¹

Используя прямые и косвенные письменные сведения, а также данные археологии и нумизматики, крупнейший исследователь экономической истории Норвегии О. А. Йонсен указывает, что в X—XI и начале XII в. норвежцы пользовались торговым путем через Балтийское море в Гардарики — в Русские земли, главным образом в Хольмгард (Новгород), откуда поступали в Норвегию ценные товары Ближнего Востока — шелк, парча, вина, пряности, привозившиеся в Новгород преимущественно из Константинополя. О существовании этой торговли, шедшей через Новгород, свидетельствуют и находки на территории Норвегии византийских и арабских (куфических) монет и изделий ближневосточного художественного ремесла.¹⁷² Так, в Норвегии зафиксировано 56 находок арабских монет VIII—X вв., и по числу находок она занимает одно из первых мест среди европейских стран вслед за Россией, Швецией, Польшей и Данией.¹⁷³ На норвежской территории найдена также одна русская монета X—XI вв.¹⁷⁴ Однако на территории Древней Руси среди многочисленных скандинавских находок IX—XI вв. до сих пор не было обнаружено вещей явно

¹⁷¹ P. A. Munch. *Det norske Folks Historie*, d. II, bd. 2. Christiania, 1854, ss. 544—545; К. Ф. Тиандер. *Поездки скандинавов в Белое море*. СПб., 1906, стр. 426—427; Хрестоматия по истории средних веков, т. II М., 1950, стр. 327—328; A. R. Lewis. *The Northern Seas*. Princeton, 1958. p. 434.

¹⁷² O. A. Johnsen. 1) *Norges handel og skipsfart i middelalderen*. «Nordisk kultur», XVI. Stockholm—Oslo—København, 1934, s. 131; 2) *Norwegische Wirtschaftsgeschichte*. Jena, 1939, SS. 91, 103—104; см. также: A. R. Lewis, *op. cit.*, p. 434; *Vårt folks historie*, bd. I. Oslo, 1962, s. 315.

¹⁷³ В. М. Потин. *Древняя Русь и европейские государства...*, стр. 38.

¹⁷⁴ В. М. Потин. Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным. «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 4, стр. 73.

норвежского происхождения.¹⁷⁵ Норвежских монет «эпохи викингов» на территории Восточной Европы найдено тоже сравнительно немного, значительно меньше, чем датских;¹⁷⁶ в Прибалтике известны 3 находки (4 монеты), в древнерусских землях — 7 находок (15 монет XI в.), все в поздних кладах конца XI в.¹⁷⁷ Видимо, Древняя Русь была для Норвегии X—XII вв. преимущественно зоной транзита ближневосточных товаров.

Есть основания полагать, что поездки норвежцев по Балтийскому пути в русские земли преимущественно с торговыми целями в небольшом объеме продолжались и после «эпохи викингов», в XII и XIII вв. В изданном в 1276 г. городском законе (Nyere Byloven) короля Магнуса Лагабёттира сообщается в общей форме, что во время составления этого документа норвежцы продолжали совершать торговые плаванья в страны, лежащие по берегам Балтийского моря, в том числе и в Гардарики (Русь).¹⁷⁸

Известно, что в IX—XIII вв. существовали торговые связи между Норвегией и нашей страной на другом направлении, через северные моря — торговые сношения норвежцев с загадочной Бьярмией, скорее всего располагавшейся на берегах Белого моря, и в меньшей мере — с Кольским полуостровом. Сведения исландских саг о торговых поездках норвежцев в Бьярмию были в предположительные годы подвергнуты обстоятельному исследованию К. Ф. Тиандером.¹⁷⁹ Побережья полярных морей, посещавшиеся

¹⁷⁵ В археологической литературе на русском и скандинавском языках нет указаний на то, что какая-либо из найденных в России скандинавских вещей IX—XI вв. может быть связана с материальной культурой Норвегии. Для норвежской археологии «эпохи викингов» особенно большое значение имеют мечи; подавляющее большинство так называемых норманских мечей найдено в Норвегии (больше, чем во всех остальных странах Европы, взятых вместе); однако в русских землях не найдено мечей тех типов, которые характерны для Норвегии и, очевидно, производились в этой стране (см.: А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси. «Советская археология», 1961, № 4, стр. 194).

¹⁷⁶ Впрочем, в Норвегии вообще было выпущено в XI в. гораздо меньше монет, чем в Дании.

¹⁷⁷ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства..., стр. 139—140.

¹⁷⁸ Norges Gamle Love, bd. II. Christiania, 1848, ss. 276—277; см. также: Vårt folks historie, bd. III. Oslo, 1963, s. 206. — Примечательно в этом плане и сообщение саги о Хаконе, сыне Хакона, о посидке норвежского посольства в Новгород в 1251 г. (см. статью Е. А. Рыдзевской в настоящем сборнике, стр. 326). В саге указывается, что норвежские послы поехали из Бергена в Новгород «восточным путем»; следовательно, в Норвегии еще в XIII в. существовал со времени викингов специальный термин «восточный путь» — название все еще хорошо известного норвежцам пути через Балтийское море в русские земли. А. Р. Льюис придерживается иного мнения, полагая, что в XII—XIII вв. вместо продолжения прямых торговых сношений норвежцы стали вести торговлю с Русью через посредство датских и немецких купцов (A. R. Lewis, op. cit., p. 484).

¹⁷⁹ К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. См. также: O. A. Johnson. Norwegische Wirtschaftsgeschichte, SS. 17, 39—40.

порвежцами в IX—XI вв., еще не были освоены русскими людьми, и норвежцы вели там торговлю лишь с местным населением, находившимся на стадии первобытнообщинного строя. По всей видимости, поездки норманнов направлялись преимущественно в район устья Северной Двины — именно там скорее всего располагалась Бьярмия, в действительности не являвшаяся той страной сказочных богатств, какой ее изображали легендарные саги. Местное население,¹⁸⁰ занимавшееся рыболовством и лесными промыслами, не имело много избыточных продуктов своего еще весьма примитивного хозяйства, и потому торговля норвежцев в Бьярмии, вопреки рассказам легендарных саг, не могла принять особенно значительных размеров. Торговля эта была меновой и, по всей видимости, была выгодна для норвежской стороны — иначе норвежцам не имело бы смысла совершать далекие путешествия в Белое море. По сведениям саг, норвежцы выменивали в Бьярмии довольно ценные меха¹⁸¹ (в лесах Беломорья было тогда еще достаточно пушного зверя), а взамен, вероятно, отдавали сравнительно дешевые изделия скандинавского ремесла.

Начало норвежских торговых поездок в Бьярмию относится к концу IX в., причем первой такой поездкой, по всей видимости, было знаменитое плавание Оттара из Халогаланда,¹⁸² датируемое 70—80-ми годами IX в.¹⁸³ Как часто совершались торговые плаванья норвежцев в Бьярмию в последующие X, XI и XII столетия, носили эти плаванья регулярный или эпизодический характер, мы не знаем; достоверные известия об этих плаваньях, содержащиеся в исторических сагах,¹⁸⁴ весьма немногочисленны и небогаты по содержанию. Зато нам точно известно, когда норвежцы перестали

¹⁸⁰ Кем были описываемые в сагах бьярмы (бьярмийцы), было ли это какое-то северное племя, известное нам из русских источников под другим названием, или какое-то совсем особое племя, по другим источникам неизвестное? Поскольку Бьярмия скорее всего находилась в Подвинье, бьярмы должны были составлять основное население Подвинья IX—XIII вв. Русская начальная летопись помещает там чудь заволочскую — загадочное племя, после XII в. исчезнувшее из русских источников. Может быть, бьярмы и заволочская чудь одно и то же? Определенно нам известно лишь, что язык бьярмов принадлежал к финно-угорской семье, об этом говорит финно-угорское название их бога Йомала.

¹⁸¹ К. Ф. Тиандер, ук. соч., стр. 118, 408, 427.

¹⁸² Халогаланд в то время — самая северная область основной территории Норвегии, граничившая с землей саамов (ныне граничит с запада с самой северной провинцией современной Норвегии — с Финмаркемом, на востоке доходящей до норвежской границы с СССР).

¹⁸³ К. Ф. Тиандер, ук. соч., стр. 53—58; P. Simonsen. *Ottar fra Hålogaland. «Ottar»*, Tromsø, 1957, № 3, ss. 3—12; O. A. Johnsen. *Norvegische Wirtschaftsgeschichte*. SS. 16—18, 39—41. — По мнению О. А. Йонсена, это была не самая первая поездка норвежцев в Бьярмию, Оттар плыл по пути, уже ранее проложенному его соплеменниками.

¹⁸⁴ Большинство рассказов о Бьярмии содержится в легендарных сагах, являющихся чисто литературными произведениями и не дающих достоверной информации.

плавать в Бьярмию. Ценные сведения о последних плаваниях норвежцев содержит важнейший источник для истории Норвегии XIII в. — сага о короле Хаконе, сыне Хакона.¹⁸⁵ В саге о Хаконе имеется рассказ о происшедшей в 1222 г. торговой поездке в Бьярмию на 4 кораблях норвежцев Андреса Скьяльдарбанда и Ивара Утвика.¹⁸⁶ В рассказе сообщается, что за несколько лет до этой поездки в Бьярмию совершили торговые плавания несколько кораблей, отправившихся из Халогаланда и из других областей Норвегии. Из текста саги можно сделать заключение, что подобные поездки были довольно обычным явлением и совершались в предшествующее время хотя и не ежегодно, но довольно часто. Примечательно далее, что к тому времени норвежцы уже знали путь из Беломорья в центральные русские земли, во Владимиро-Суздальское княжество. Один из участников упоминаемого в саге более раннего плавания, норвежец Огмунд, из Беломорья отправился в Суздальскую Русь, а оттуда (через Новгород и, вероятно, Киев) — в Палестину (в Иерусалим). По-видимому, в Беломорском крае, уже находившемся в то время под русской властью, норвежцы стали вступать в контакты не только с местным населением, но и с русскими. Русское население и русская администрация в Поморье знали о приездах норвежцев и об их контактах с местными жителями и сообщали об этом в центр страны; видимо, через подобные каналы норвежец Огмунд, находясь в Суздале, получил известие о том, что группа норвежцев, приехавшая одновременно с ним в Белое море, имела на беломорском побережье столкновение с местными жителями — бьярмами.

Весьма важно прямое указание саги о Хаконе о том, что поездка 1222 г. была последним плаванием норвежцев в Бьярмию, — на этом длившиеся несколько столетий плавания норвежцев в Белое море прекратились.¹⁸⁷ Вероятно, причиной прекращения плаваний было растущее освоение Поморья русскими.¹⁸⁸ Торговые поездки в Бьярмию имели смысл, пока норвежцы могли там монопольно и по дешевке скупать местные товары. К XIII в. Поморье осваивается новгородцами, и местным жителям, видимо, стало выгоднее продавать свои товары новгородским торговым людям.

¹⁸⁵ См. статью Е. А. Рыдзевской в настоящем сборнике, стр. 323—330.

¹⁸⁶ См. упомянутую выше статью Е. А. Рыдзевской, стр. 328; см. также: P. A. Munch, op. cit., d. III, Christiania, 1857, s. 596; К. Ф. Тиандер, ук. соч., стр. 433—435.

¹⁸⁷ В саге после рассказа о путешествии норвежцев в Бьярмию в 1222 г. прямо говорится, что из Норвегии «с тех пор не ездили больше в Бьярмию» (настоящий сборник, стр. 329). Поскольку сага написана около 1265 г., а ее старейший сохранившийся список относится к началу XIV в., по всей видимости, в течение XIII в. норвежцы действительно больше не совершали плаваний в Бьярмию.

¹⁸⁸ К. Ф. Тиандер, ук. соч., стр. 438; *Det norske folks liv og historie gjennem tidene*, bd. II, Oslo, 1931, s. 270.

Для последующих трех с лишним столетий, вплоть до середины XVI в., в источниках не сохранилось прямых сведений о наличии торговых связей между норвежскими и русскими владениями. Между тем для политических отношений обеих стран это время имеет весьма важное значение. Осваивая с промысловыми целями берега полярных морей, русские поморы уже в XII в. пришли на берега Кольского полуострова, а русские сборщики дани появились в кольской тундре. К середине XIII в. русские данщики уже собирали дань с саамов на всем Кольском полуострове и области Финмаркен до пределов собственно норвежской территории, и в 1251 г. между Новгородом и Норвегией был заключен первый договор, закреплявший право сбора дани с саамов на Кольском полуострове и в Финмаркене одновременно и за русскими, и за норвежскими сборщиками. В результате продолжающегося освоения побережья русскими и норвежскими поморами к началу XIV в. где-то в районе Варагер-фьорда установилась фактическая граница русских и норвежских интересов, и по договору Новгорода с Норвегией 1326 г. эта граница была официально признана обеими сторонами; с этого времени Русь и Норвегия стали пограничными государствами.¹⁸⁹

Однако для развития прямых экономических связей между соседними странами в XIV—XV вв. еще не созрели необходимые условия. На Кольском полуострове, особенно на его северном побережье, в то время еще не было постоянного русского поселения; русское население Подвижья было еще немногочисленно. Правда, в русско-норвежский договор 1326 г. была включена специальная (7-я) статья о праве норвежских купцов беспрепятственно ездить в Новгород и Заволочье и о праве торговых людей из Новгорода и Заволочья беспрепятственно ездить в Норвегию;¹⁹⁰ статья предусматривала возможности для развития русско-норвежской торговли на обоих географических направлениях — между Норвегией и Новгородом через датские проливы и Балтийское море и между Норвегией и русскими северными владениями через Ледовитый океан и Белое море. При этом примечательно, что составители договора сочли необходимым особо оговорить обеспечение прав торговли Норвегии с Заволочьем — с русскими владениями, ближе всего расположенными к северным областям Норвегии. Но, к сожалению, источники последующего времени — с 1326 г. и до середины XVI в. — не содержат прямых сведений о том, велась ли хоть в какой-то степени русско-норвежская торговля.¹⁹¹ Включе-

¹⁸⁹ И. П. Шаскольский. 1) Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», 14, 1945, стр. 46—47, 51—60; 2) Русско-норвежский договор 1326 г. «Скандинавский сборник», XV (в печати).

¹⁹⁰ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией, стр. 45.

¹⁹¹ Есть лишь два известия, от 1360-х и от 1520-х и начала 1530-х годов о том, что норвежские купцы вели торговлю с лопарским населением Кольского полуострова до побережья Белого моря (O. A. Johnsen. Fin-

ние в договор 1326 г. упомянутой статьи говорит лишь о том, что его составители считали в тот момент вполне возможным и достойным поддержки завязывание торговых связей Норвегии с Новгородом и с Заволочьем, но не может служить свидетельством того, что подобные связи стали развиваться в действительности. Допустимо лишь считать возможным существование в XIV—XV вв. небольших по размерам эпизодических торговых сношений между Норвегией и русскими северными владениями.¹⁹²

Косвенно в пользу существования (в небольших размерах) подобных сношений говорит предоставленное норвежским правительством в XIII в. бергенским купцам и действовавшее еще и в XVI в. монопольное право торговли с Финмаркемом;¹⁹³ возможно, что еще в XIII—XV вв. бергенские купцы, двигаясь по морю вдоль берега Финмаркена, доходили до побережья Кольского полуострова. Кроме того, нам известно, что русские поморы в XIV—XV вв. знали морской путь вдоль Кольского полуострова в Норвегию и регулярно использовали этот путь с политическими, а изредка и с военными целями; по всей видимости, по этому пути каждые 3 года русские данщики (в связи с продолжавшим существовать правом и Руси, и Норвегии собирать дань с саамов Кольского полуострова и Финмаркена) возвращались по окончании сбора дани в Финмаркене из западной оконечности этой области, из района г. Тромсё, огибая Нордкап и Кольский полуостров, в Подвине. По этому же пути в XIV—XV вв. иногда совершались русские набеги на северную Норвегию, норвежские — на берега Белого моря.¹⁹⁴ В конце XV в., после образования Русского централизованного государства, путь вокруг Кольского полуострова и северной Норвегии стал использоваться для государственных нужд — для поездок русских дипломатов через Белое море и Ледовитый океан в страны Западной Европы. Известно, что в то время в Подвине имелись русские мореходы — поморы, хорошо знавшие этот путь,¹⁹⁵ не исключена возможность, что они познакомились с этим путем во время торговых поездок в северную Норвегию.

Во всяком случае, первые прямые сведения в письменных источниках о русско-норвежской торговле появляются в середине

markens politiske historie, s. 32). Поскольку в начале XVI в. на юге Кольского полуострова уже имелись русские селения, возможно, что в последнем случае речь идет и о торговых сношениях норвежцев с русскими жителями этих селений.

¹⁹² О возможности существования подобной торговли говорит и Л. К. Гёц: L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 173.

¹⁹³ O. A. Johnsen. 1) Finmarkens politiske historie, ss. 32—33; 2) Norwegische Wirtschaftsgeschichte, SS. 108, 240.

¹⁹⁴ И. П. Шаскольский. Об одном плаваньи древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истома). В кн.: Путешествия и географические открытия XV—XX вв., М.—Л., 1965, стр. 26—27.

¹⁹⁵ Там же, стр. 12, 24—28.

XVI в. И, по всей видимости, возникновение постоянных торговых связей между владениями России и Норвегии относится именно к этому времени. До середины XVI в. соседнее с Норвегией русское северное побережье — Мурманское побережье Кольского полуострова — не имело постоянного русского населения (русские селения в XV—первой половине XVI вв. были лишь на южном берегу полуострова), и потому здесь еще некому было торговать. В середине XVI в. развернулось интенсивное промысловое освоение Мурманского побережья русскими людьми. Богатый рыбой Мурман стал ежегодно на время путины привлекать к себе со всего русского Поморья целые флотилии рыболовных судов; развивался тот ежегодный промысел рыбы на Мурманском берегу, который затем (и вплоть до XX в.) стал играть важную роль в жизни русского Поморья. С развитием промысла связано и начало заселения поморами Мурманского побережья. В середине XVI в. на Мурмане возникают первые постоянные русские селения — Печенга (Печенгский монастырь), Кегор, Цып-Наволок и другие и первый город — Кола.¹⁹⁶

Развитие рыболовного промысла на Мурмане и появление постоянных русских селений создали необходимые условия для развертывания здесь, на пограничном русском океанском побережье, торговых связей с зарубежными странами. И естественно, что прежде всего стали развиваться торговые связи с ближайшей соседней страной — Норвегией. От 1533 г. имеется первое письменное известие о том, что фогт пограничного с Россией норвежского городка Вардё (лежавшего на западном берегу пограничного Варангер-фьорда) ведет на морском побережье на восток от Вардё торговлю с русскими и карелами;¹⁹⁷ по мнению О. А. Йонсена, эта торговля, производившаяся затем на протяжении всего XVI столетия, велась фогтами Вардё с довольно давних пор¹⁹⁸ (возможно, с XV в.); доход от торговли поступал в датскую королевскую казну.¹⁹⁹

Два десятилетия спустя, в 50-е годы XVI в., появляются более конкретные письменные сведения о норвежских торговых судах, прибывающих в рыбачьи становища Мурмана для закупки русских промышленников товаров их морского промысла. Когда в се-

¹⁹⁶ А. В. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в. В кн.: А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пгр., 1916, стр. 2, 3, 9; С. Ф. Илатонов. Проблема русского севера в новейшей историографии. «Летопись занятий Археографической комиссии», т. XXXV, Л., 1929, стр. 113; Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII вв. М., 1955, стр. 650; И. П. Шаскольский. О возникновении города Колы. «Исторические записки», 71, 1962, стр. 275—277. — Раньше всего, видимо, возникла Печенга — около 1540 г. (А. В. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 7).

¹⁹⁷ *Diplomatarium Norvegicum*, bd. XIV. Christiania, 1893, № 721.

¹⁹⁸ О. А. Johnson. *Finmarkens politiske historie*, ss. 35—36, 42.

¹⁹⁹ О. А. Johnson. *Norwegische Wirtschaftsgeschichte*, S. 241.

редние 50-х годов на Мурман пришли первые английские корабли, начавшие осваивать путь из Западной Европы в Россию вокруг Скандинавии, в русских становищах они уже застали норвежские купеческие суда, пришедшие сюда за товарами.²⁰⁰ Так, например, шкипер одного из первых прибывших в Россию английских кораблей Стифен Барроу летом 1557 г. в становище Кегор²⁰¹ встретил торговое судно из Трондгейма и 3—4 яхты, принадлежавшие купцам из Бергена.²⁰² Скопление в Кегоре 4—5 норвежских судов, притом судов из двух довольно отдаленных торговых городов западной Норвегии, показывает, что норвежцы явно появились здесь не в первый раз, что они уже в предшествующие годы завязали торговые отношения с русскими поморами. Судя по рассказу слутника Стифена Барроу, его брата Уильяма, в Кегоре в день св. Петра (29 июня) устраивалась ежегодная ярмарка, на которую съезжались русские поморы, карелы и лопари, а также норвежские купцы.²⁰³

Кегор²⁰⁴ возник как рыболовное и торговое селение раньше Колы (в 40-е годы или в самом начале 50-х годов XVI в.), и в 50—60-е годы XVI в. был, по всей видимости, наиболее крупным торговым селением на Мурмане, лишь к 70-м годам уступив первенствующее место Коле.²⁰⁵ Видимо, возникновение и рост этого селения во многом обязаны его географическому положению вблизи норвежской границы, около пограничного Варангер-фьорда, практически почти что напротив расположенного на другом берегу того же залива норвежского городка Вардё, в свою очередь являвшегося крайним пограничным городом (и пограничной крепостью) Норвегии; кроме того, Кегор был весьма выгодно расположен и

²⁰⁰ Следовательно, заслуга открытия в середине XVI в. важного торгового пути из Западной Европы в Россию через северные моря, обычно приписываемая английским мореплавателям (прежде всего английскому путешественнику Ченслеру), в действительности принадлежит норвежским купцам — мореходам из Бергена и Трондгейма; впрочем, как уже говорилось, еще ранее этот путь был открыт в направлении с востока на запад (из Белого моря и вокруг Скандинавии) русскими поморами (см.: И. П. Шаскольский. Об одном плавании. . ., стр. 26—30).

²⁰¹ Кегор — становище на Рыбачьем полуострове, с XVII в. и до наших дней называемое «Вайда-губа» (см. прим. 204).

²⁰² Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937, стр. 123 (там же, стр. 92, — рассказ участника плавания Уильяма Барроу); см. также: В. А. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов до 1631 г. В кн.: «Сборник Русского исторического общества», т. 116, СПб., 1902, стр. XVIII—XIX; O. A. Johnsen. Finmarkens politiske historie, ss. 45, 84.

²⁰³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., стр. 92.

²⁰⁴ Подробнее о нем см.: К. Н. Вальдман. Старинное становище и торг (XVI в.) на крайнем Севере (Кегор—Вайда-губа). «Известия Всесоюзного географического общества», 1968, № 1, стр. 52—58.

²⁰⁵ М. М. Громыко. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. «Средние века», XVII, М., 1960, стр. 240—242.

по отношению к морскому пути, проходившему вдоль норвежского и мурманского побережья из стран Западной Европы в Россию; находившийся вблизи северо-западной оконечности Рыбачьего полуострова, Кегор был первым пунктом на русской территории, к которому должны были подходить корабли, идущие по названному пути с Запада (из Норвегии или более отдаленных стран) к берегам России.

Вторым крупным торговым селением, в 40—60-е годы XVI в. имевшим большее значение, чем Кола, была Печенга — Печенгский монастырь, возникший около 1530—1540 гг. и развернувший весьма энергичную хозяйственную деятельность, создавший первое русское промысловое хозяйство на Мурмане. Расположенный в глубине Варангер-фьорда,²⁰⁶ несколько в стороне от названного выше основного морского пути, Печенгский монастырь находился у самой границы с Норвегией и мог легко вести сношения с лежащим на другом берегу того же залива Варангер норвежским городом Вардё. Из сообщения побывавшего в 60-е годы на Мурмане голландского купца Салингена известно, что монахи Печенгского монастыря приезжали в 1562, 1563 и 1564 гг. в Вардё и продавали там продукты своих морских промыслов — «рыбу, ворвань и прочее сырье, добытое ими за зиму и лето».²⁰⁷ Весьма вероятно, что монахи из Печенги приезжали в Вардё со своими товарами и в предшествующие годы, но об этом просто не сохранилось сведений. В то же время и норвежские суда приходили в Печенгу для закупки местных товаров.

На русском северном побережье Кольского полуострова к началу 1570-х годов на первое место выдвигается новое торговое селение, быстро превратившееся в первый русский город на Мурмане, — Кола.²⁰⁸ С 70-х годов XVI в. торговля с норвежцами во все большей мере сосредоточивается в Коле.²⁰⁹ В 1582 г., когда Кола стала административным центром Кольского полуострова, первый кольский воевода А. И. Палицын устроил в городе гостиный двор для норвежских купцов, где купцы могли останавливаться, складывать свои товары и вести торговлю с русскими торговыми людьми под охраной русских властей. Здесь же была устроена важня с весами, и для большего удобства торговли норвежских купцов для весов были приобретены норвежские гири.²¹⁰ В 1583—1585 гг. кольские воеводы посылали грамоты к наместникам (фогтам) ближайшего норвежского города

²⁰⁶ Точнее — на р. Печенге, вблизи ее впадения в Варангер-фьорд.

²⁰⁷ Сообщение Симона ван Салингена, опубликованное в статье: А. М. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI в. «Литературный вестник», т. I, кн. III, СПб., 1901 (далее — С. Салинген, ук. соч.), стр. 297.

²⁰⁸ И. П. Шаскольский. О возникновении города Колы, стр. 276—278.

²⁰⁹ Так, о норвежских купцах в Коле в 70-е годы пишет Штаден (Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 152).

²¹⁰ С. Салинген, ук. соч., стр. 305.

Вардё с приглашением норвежских купцов приезжать для торговли в Колу.²¹¹ В январе 1585 г., обращаясь к «варгавскому державцу» (фогту города Вардё), кольский воевода Ярцов писал: «И ездили б варгавские люди в государя нашего отчину в Колу волость по-прежнему, и дацкие²¹² б торговые корабли с товаром в государя нашего в Колу волость для торговли приежжали по-прежнему и торговали б з государя нашего людьми по старине всякими товары».²¹³ С аналогичной грамотой к наместнику города Вардё обратился в 1582 г. и холмогорский воевода, также приглашавший «по-прежнему» приезжать в Холмогоры.²¹⁴ И купцы из Бергена, Трондгейма и Вардё стали в еще большем количестве ездить в Колу и в Кегор.²¹⁵

По сведениям Торговой книги (70—80-е годы XVI в.), торговля с иностранцами в Коле и Кегоре производилась летом, «на Иваново рождество или на Петров день»;²¹⁶ Уильям Бэрроу также сообщает, что в день св. Петра 29 июня 1557 г. он застал в Кегоре «большое народное сборище по случаю торга», в котором участвовали русские, карелы и лопари из русских владений и норвежцы и лопари с норвежской территории.²¹⁷ Видимо, указанные даты определяли лишь день начала ежегодного торга, а сам торг продолжался несколько дней (или недель). Торговые поездки норвежских купцов в 60—80-е годы не ограничивались ближайшими к норвежской границе пунктами русского побережья. Имеются сведения о торговле норвежских купцов из Вардё в Холмогорах,²¹⁸ о торговле бергенских купцов в Суме.²¹⁹ С русской стороны с норвежцами торговали не только постоян-

²¹¹ Датский архив, №№ 444, 455; Русские акты, №№ 50, 52; O. A. Johnsen. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 89.

²¹² Подразумеваются торговые корабли датских подданных, в данном случае — купцов из подвластной Дании северной Норвегии.

²¹³ Русские акты, № 52.

²¹⁴ Там же, № 49; см. также: K. Selnes. Le conflit dano-russes..., p. 314.

²¹⁵ Датский архив, №№ 447, 458 и др. — Отозвались ли норвежцы на приглашение ездить в Холмогоры, данных не имеется.

²¹⁶ Торговая книга. «Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества», т. I, СПб., 1851, стр. 130; см. также: А. В. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 10.

²¹⁷ Английские путешественники в Московском государстве, стр. 92. — Однако остается неясным, почему в Торговой книге указаны две даты начала торга — Иванов день (24 июня) и Петров день (29 июня). Есть точные сведения, что в Петров день торг проводился и в Кегоре (сообщение Уильяма Бэрроу) и в Коле (Д. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1905, стр. 88). Где производился торг на Иванов день, указываемый Торговой книгой? Впрочем, близость обеих дат (24 и 29 июня) позволяет думать, что торг в обоих пунктах могли начинать в тот или другой день в зависимости от того, когда съедется достаточное количество купцов.

²¹⁸ Русские акты, № 49.

²¹⁹ С. Салинген, ук. соч., стр. 304.

ные жители Мурманского побережья (их в XVI в. было еще немного), но и промышленники и торговые люди, приезжавшие на Мурман с берегов Белого моря, из Подвинья, из Каргополя и др.²²⁰

По имеющимся сведениям, норвежские купцы покупали в селениях Мурманского побережья прежде всего товары поморского рыболовного и зверобойного промыслов — треску (вяленую и сухую), палтуса, семгу, ворвань,²²¹ тресковый и китовый жир,²²² а также меха. Кроме того, есть сведения о привозе на Мурманский берег и о продаже здесь иноземным купцам (вероятно, преимущественно голландцам, но, может быть, и норвежцам) значительного количества товаров из центральной России — пшеницы, гречи, растительного масла, рыбьего клея (изготовлявшегося в Поволжье) и др., а также пушпыны из Приуралья.²²³ Труднее установить ассортимент ввоза.²²⁴ В своей челобитной царю Федору Ивановичу в 1589 г. жители города Колы указывали, что они покупают у «датских немцев» (норвежцев) и у англичан «всякий сухой товар, и сукна, и медь, и олово».²²⁵ Известно, что из Вардё норвежские купцы собирались в 1585 г. прислать в Колу «карабль с мукою, и с вином, и с медом, и с пивом, и с сукны».²²⁶ Имеются и другие сведения, по которым иноземные купцы, приезжавшие во второй половине XVI в. на Мурман, привозили для продажи сукна, вина и пиво, пряности, лисьи шкурки и др., а также серебряные посуду и украшения для продажи лопарям.²²⁷

Вслед за ближайшими соседями — норвежцами — на Мурман проникли купцы из более отдаленной Голландии.²²⁸ Голландские купцы, обладавшие значительно более крупными средствами и морскими судами, быстро взяли в свои руки большую часть торговых операций с русскими рыбаками и торговыми людьми

²²⁰ Г. Штаден, ук. соч., стр. 71.

²²¹ Английские путешественники в Московском государстве, стр. 123—124; С. Салинген, ук. соч., стр. 297, 298, 300; ДАИ, т. I, СПб., 1846, № 134.

²²² Русские акты, № 53.

²²³ А. В. Тищенко. 1) Торговые книги как исторический источник. В кн.: А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем, стр. 35; 2) К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 11—12.

²²⁴ А. В. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 12.

²²⁵ ДАИ, т. I, № 134. — Закупаемый товар колыя везли в Архангельск и перепродавали русским купцам, а сами там покупали хлеб (там же).

²²⁶ Русские акты, № 53.

²²⁷ Английские путешественники в Московском государстве, стр. 123—124; С. Салинген, ук. соч., стр. 299; А. В. Тищенко. 1) Торговые книги..., стр. 28; 2) К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 12.

²²⁸ Еще раньше (в середине 50-х годов) появились английские купцы, но их интересовала больше торговля с внутренними районами России через устье Северной Двины, а на Мурмане они торговали в 50—80-е годы XVI в. сравнительно мало.

на Мурмане.²²⁹ Однако норвежские купцы не были вытеснены голландцами, и в 60—80-е годы XVI в. продолжали свои торговые операции с русскими. Уже вскоре после появления у берегов Норвегии и Мурмана английских и голландских торговых кораблей норвежские купцы начали вступать в контакт с английскими и голландскими купцами и их приказчиками и стали иногда организовывать совместные торговые поездки на Мурман и в Белое море.²³⁰

С норвежской стороны торговля с соседними русскими владениями сосредоточивается в пограничном Вардѣ; здесь торговали с русскими и норвежские, и заморские голландские купцы. Но и норвежцы здесь (по крайней мере, в 50-е и 60-е годы) были приезжими — они прибывали сюда из главных норвежских торговых городов — Бергена и Трондгейма. Впрочем, вероятно, позднее, к концу века, здесь появились и собственные купцы, торговавшие с соседними русскими владениями и с приходившими с запада торговыми судами.

Бергенские купцы, обладавшие, как уже говорилось, монопольным правом на торговлю на океанском побережье к северо-востоку от Бергена, в том числе и на побережье Финмаркена и Кольского полуострова (позднее это право было распространено и на трондгеймских купцов),²³¹ были недовольны появлением на северном норвежском и русском побережье сильных конкурентов — голландцев, и стали бороться против них.²³² Под давлением бергенских купцов местная администрация в Вардѣ стала препятствовать торговле голландских купцов в этом городе.²³³ Вскоре (вероятно, вначале не без давления бергенцев) занялось этим вопросом и само датское правительство, владевшее с 1397 г. Норвегией. В быстро растущем мореплавании английских, голландских и других западноевропейских купцов вокруг Норвегии в русские северные владения датское правительство стало видеть прямую угрозу интересам своих подданных-купцов и датской короны, опасаясь, что развитие навигации по северному пути приведет к ослаблению торговли с Россией через Балтику и к падению доходов от зундской пошлины

²²⁹ С. Салинген, ук. соч., стр. 297—304; I. Lubimenko. The Struggle of the Dutch with the English for the Russian Market in the Seventeenth Century. «Transactions of the Royal Historical Society», 4th Series, vol. VII, London, 1924, p. 2; М. М. Громыко, ук. соч., стр. 239—256.

²³⁰ O. A. Johnson. Et traek af den dansk-norske regjering's handelspolitik under Kristian III og Frederik II. «Forhandlinger i Videnskabselskapet i Christiania». Aar 1909, № 3. Christiania, 1910, ss. 5—11, 14—17; С. Салинген, ук. соч., стр. 297—300; Английские путешественники в Московском государстве, стр. 123—124.

²³¹ Эти права были подтверждены в 1562 г. и затем неоднократно подтверждались в течение XVI—XVII вв. (O. A. Johnson. Finmarkens politiske historie, s. 226).

²³² Ibid., ss. 45, 226.

²³³ С. Салинген, ук. соч., стр. 297—298.

(взимавшейся датскими властями со всех кораблей, проходивших через Зундский пролив), а также усматривая в растущей иноземной торговле с северными русскими владениями прямой ущерб выгодному для короны традиционному праву фогтов Вардё вести торговлю с этими же русскими территориями. Правительство стало издавать указы о запрещении иностранным купцам плавать в северную Норвегию и далее на восток и о конфискации судов, нарушающих этот запрет.²³⁴

Позднее, в 1582 г., датское правительство (вероятно, тоже под давлением бергенцев) пыталось силой воспрепятствовать плаванию западноевропейских торговых кораблей вдоль северной Норвегии к русским владениям и посылало свои военные суда для захвата иноземных кораблей, «незаконно» плавающих через норвежские воды. Однако эти попытки не увенчались успехом. Тогда фогту крепости Вардё было поручено взимать пошлину со всех иностранных судов, приходящих туда и идущих далее, в русские владения.²³⁵ В результате принятых мер датским властям в 1580-е годы удалось принудить купцов английской торговой компании, торговавших с Россией по северному пути, а также голландских и французских купцов за право проезда в Россию уплачивать в Вардё пошлину, аналогичную зундской пошлине.²³⁶ Меры, предпринимавшиеся датскими властями,

²³⁴ O. A. Johnson. 1) Et traek af den dansk-norske regjerings handelspolitik..., ss. 11—12; 2) Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 88; 3) Norwegische Wirtschaftsgeschichte, SS. 240—241. — В своем страхе лишиться зундской пошлины (одного из главных источников доходов датской казны) датское правительство стало даже добиваться вообще полного прекращения торговых плаваний по северному пути в Россию, в том числе и плаваний своих собственных норвежских подданных (O. A. Johnson. Et traek af den dansk-norske regjerings handelspolitik..., ss. 12—13).

²³⁵ Датское правительство стало рассматривать морское пространство между подвластными Дании Норвегией и Исландией как морской пролив, лежащий в пределах датских владений, и стало требовать, чтобы проезжающие на восток корабли платили пошлины в такой же мере, как корабли, проходящие в Балтийское море через находящийся во владениях Дании Зундский пролив (Русские акты, №№ 48, 49; СГГид, ч. V, № 134; В. А. Кордт, ук. соч., стр. LII; Det norske folks liv og historie gjennem tidene, bd. IV. Oslo, 1935, ss. 298—299).

²³⁶ Датский архив, №№ 439, 441—443; Русские акты, №№ 48, 49; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, SS. 306, 307; В. А. Кордт, ук. соч., стр. LI—LIV; O. A. Johnson. 1) Et traek af den dansk-norske regjerings handelspolitik..., s. 12; 2) Finmarkens politiske historie, ss. 46, 48; 3) Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., ss. 89—90; 4) Norwegische Wirtschaftsgeschichte, S. 242; Det norske folks liv og historie..., bd. IV, s. 303; K. Selnes. Le conflit dano-russes..., pp. 313—314; Vårt folks historie, bd. IV. Oslo, 1963, ss. 312—314. — Правда, Йонсен полагает, что большинство западноевропейских кораблей проходило по Баренцеву морю на восток в стороне от берега и не заходя в Вардё и пошлин не платило (O. A. Johnson. Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 90).

не смогли сколько-нибудь серьезно затормозить западноевропейскую торговлю на русском Севере. Не отразились эти меры и на норвежской торговле с русскими владениями.

В середине 1585 г. в иноземной торговле на Мурманском берегу произошли значительные изменения. Русское правительство распорядилось всю торговлю с иностранными купцами на Севере сосредоточить в только что (1584 г.) основанном новом русском городе у устья Двины — в Архангельске; только там, в частности, допускалась торговля товарами, привозимыми из внутренних областей России, а в Коле разрешалось вести торговлю лишь товарами местных морских промыслов.²³⁷ В июне 1585 г. кольский воевода сообщил об этом фогту города Вардё, но сделал оговорку, что данный запрет относится лишь к торговле привозными «большими товарами» и что купцы из пограничных областей Норвегии (и даже шире — вообще купцы из датских владений, из подвластной датчанам Норвегии и из самой Дании) сохраняли право приезжать на Мурман для закупки местных товаров: «И ездили б варгавские люди в государя нашего вотчину в Колу волость по-прежнему, и дацкие б торговые карабли с товаром для торговли в государя нашего вотчину в Колу приежжали торговати троскою, и палтасом, и салом троскиным и китовым».²³⁸ Иными словами, в Коле и вообще в селениях Мурманского берега запрещалась торговля иноземных купцов из крупных торговых государств Западной Европы — из Голландии и Англии и разрешалось торговать лишь купцам из соседней небогатой Норвегии и из ее метрополии — Дании (при том, что практически датские купцы, по-видимому, не ездили на Мурман, и сохранение для них права торговли на этом берегу было скорее просто дипломатическим жестом).²³⁹

²³⁷ Русские акты, №№ 53, 55; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, S. 307; O. A. Johnson, Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 89. — По-видимому, о переносе всей иноземной торговли в Архангельск и о запрете подобной торговли на Мурмане был издан специальный указ царя Федора Ивановича (на такой указ делается ссылка во многих документах), но указ этот не сохранился.

²³⁸ Русские акты, № 53.

²³⁹ Запрет голландским и другим заморским купцам торговать в Коле был, видимо, вызван несколькими причинами. После поражения России в Ливонской войне правительство стало тревожиться за участь своих отдаленных и малонаселенных владений на Мурмане. Толчком к этой мере, по-видимому, послужила предпринятая датским правительством в 1582 г. посылка военных кораблей к Мурманскому побережью для воспрепятствования иноземной торговле (см. выше). И вообще в сложившейся обстановке было слишком опасно ежегодное сосредоточение в Кольской гавани значительного числа иноземных торговых кораблей, которые легко могли приняться и за выполнение военных задач. Кроме того, русским купцам было выгоднее везти товары в Архангельск, чем в значительно более отдаленную от центра страны Колу. В Архангельске к тому же можно было лучше и удобнее обеспечить государственную охрану российского порта

Правда, правительственная политика в вопросе о сохранении за норвежскими купцами права торговли в Коле, видимо, не была с самого начала достаточно ясно определена. Когда датский король Фредерик II, получив сведения о запрещении иноземной торговли в Кольской гавани, обратился в декабре 1585 г. к русскому правительству с просьбой разрешить датским подданным по-прежнему торговать в Коле,²⁴⁰ то ему в марте 1586 г. был дан ответ, что теперь вся торговля с иноземными купцами на русском северном побережье сосредоточена «в одном месте на усть Двины реки у нового города у Двинского» (в Архангельске) и что в Коле торговля с иноземцами вообще воспрещена,²⁴¹ т. е. русское правительство в данном случае делало еще один шаг в сторону от своего курса 1585 г., когда датским властям было сообщено, что запрет торговли в Коле не распространяется на датских подданных. Русское правительство в той же грамоте приглашало датских и норвежских купцов приезжать теперь в Архангельск, обещая им создать благоприятные условия для торговли с русскими купцами.²⁴²

Из-за недостатка сведений в источниках трудно сказать, был ли на практике с 1586 г. введен в действие полный запрет иноземной торговли в Коле, была ли здесь с 1586 г. на какое-то время полностью запрещена торговля с норвежскими купцами. Во всяком случае, из документов 1590—1596 гг. явствует, что датские подданные благополучно продолжали торговать в Коле и Кегоре (Вайда-губе), и нет никаких указаний на то, что эта торговля в предшествующие годы прерывалась.²⁴³ И, больше того, в грамотах начала 1590-х годов подчеркивается, что русское правительство разрешает и одобряет торговую деятельность норвежских купцов в Коле, а также в Архангельске, где тоже стали торговать норвежские купцы.²⁴⁴

с иноземными купцами. См.: В. А. Кордт, ук. соч., стр. VI; А. В. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 14; И. Ф. Ушаков. Кольский острог. Мурманск, 1960, стр. 6—7.

²⁴⁰ Датский архив, № 464; А. Ф. B ü s c h i n g, op. cit., Tl. VII, S. 308; — текст этого документа излагается в ответной грамоте царя Федора Ивановича (Русские акты, № 57, стлб. 235—236).

²⁴¹ Русские акты, № 57; А. Ф. B ü s c h i n g, op. cit., Tl. VII, S. 308.

²⁴² «И которые будет торговые люди вашего государства Датские и Норвецкие земли похотят ехати с товары торговати в наше государство, и те б ваши торговые люди с всякими товары ехали торговати в нашу отчину к Двинскому городу безо всякого опасения, а путь им чист безо всякого задержания, и торговли с обе стороны у того места всякими товары без вывета» (Русские акты, № 57).

²⁴³ Русские акты, №№ 60, 61, 63, 72; ДАИ, т. I, № 134.

²⁴⁴ В грамоте царя Федора Ивановича датскому королю Христиану IV от июля 1590 г. говорится: «А которые торговые люди вашего государства приходят ныне в наше государство на караблех с товары ко Двинскому пристанищу, к новому Колмогорскому городу и к Коле, и мы, их жалую, велели им торговать в нашем государстве на всякой товар повольно и

В источниках 1590-х годов неоднократно упоминаются порвежские корабли, торгующие на Мурманском берегу. Так, в 1590 г. во время нападения шведов на Колу в гавани находилось несколько судов датских подданных.²⁴⁵ Летом 1592 г. «немало кораблей» из Вардё и других порвежских портов стояло в Вайда-губе (Кегоре) и купцы скупали рыбу у местных рыбаков.²⁴⁶ Три документа от июля 1595 г. и один документ от января 1602 г. написаны бергенскими и трондгейскими купцами, приходящими на суда торговать в Колу и Кегор.²⁴⁷ О порвежских купцах, торгующих в Коле и Архангельске, упоминается в документах 1590, 1592, 1596 гг.²⁴⁸ Имеются и весьма примечательные дашные эпитафии — высеченные на скале Аникиева острова (у берега Рыбачьего полуострова) надписи проезжавших мимо порвежских мореходов, скорее всего владельцев или шкиперов торговых кораблей, старейшие из которых относятся к концу XVI и началу XVII вв.²⁴⁹

береженье есмя им вслеи держати великое, чтоб им насильства, убытков и бесчестья ни от ково не было, прибытка бы себе на обе стороны искали» (Русские акты, № 60; см. также: Русские акты, №№ 61, 63). Возможно, правда, что в цитированном тексте речь идет о происшедшем в 1590 г. изменении по отношению к порвежской торговле на Мурмане и излагается не дошедший до нас указ, вновь разрешающий эту торговлю.

²⁴⁵ А. В. Тищенко. Торговые книги... стр. 34; ДАИ, т. I, № 134.

²⁴⁶ Русские акты, № 63.

²⁴⁷ Датский архив, №№ 501, 502, 503, 570; см. также № 500; Г. В. Фортен. Сношения Дании с Россией... стр. 285—286.

²⁴⁸ ДАИ, т. I, № 134; Русские акты, №№ 60, 63, 72. — В последнем документе — грамоте Федора Ивановича датскому королю от января 1596 г. — упоминаются «многие корабли торговых людей из вашей земли», находившиеся в Коле в 1595 г. «долгое время».

²⁴⁹ Надписи на небольшом скалистом Аникиевом острове, лежащем против селения Цып-Наволоч у северо-восточной оконечности Рыбачьего полуострова, — весьма любопытный памятник северного мореходства. Надписи высечены на гладкой сланцевой скале. Видимо, у мореходов (преимущественно западных), проезжавших вдоль Мурманского побережья в Колу или в Архангельск, возник обычай высекать свое имя и дату проезда на этом острове, расположенном у поворота морского пути от Рыбачьего полуострова на юго-восток к Коле и восточному Мурманскому берегу. Надписи впервые были открыты гидрографом М. Ф. Рейнке и академиком А. Миддендорфом (М. Ф. Рейнке. Гидрографическое описание северного берега России, ч. II. СПб., 1843, стр. 283; A. Middendorff. Anikiev, eine Insel im Eismeere, in der Gegend von Kola. «Bulletin de l'Académie Imperiale de Sciences de St. Petersburg», t. II, 1860, pp. 156—157; см. также: J. A. Friis. En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nord Karelen. Christiania, 1871, ss. 172—174; Г. Гебель. Наша северо-западная окраина — Лапландия. «Русское судоходство», 1905, № 4, стр. 77—78). В работах Миддендорфа и Фрииса есть выполненные на глаз зарисовки надписей. Большинство фамилий, содержащихся в надписях, порвежские, в одном случае имеется краткий текст (4 слова) на норвежском языке. Автор данной надписи, Беренг Гундерсен, побывал на острове 6 раз — в 1595, 1596, 1597, 1610, 1611 и 1615 гг. По одному разу побывали на острове Йенс Вид (Jens Hvid) — в 1610 г., Кристен Скабо (Christen Skabo) — в 1613 г., Якоб Хансен Хандерслев (Jacob Hansen Handerslef) —

От 1595 и 1602 г. сохранилось несколько жалоб бергенских и трондгеймских купцов на условия торговли в русских гаванях на Мурмане.²⁵⁰ Купцы жаловались главным образом на действия русской местной администрации: им не позволяли торговать в русских гаванях до тех пор, пока каждый купец не испросит разрешение у кольского воеводы, воевода за это разрешение требует подарок; русские приказные люди делают описи товаров, принадлежащих норвежским купцам; русская администрация ввела новые меры веса, не соответствующие норвежским мерам, и стала собирать весовую пошлину; посылаемые из Кола в рыбацьи становища Мурмана целовальники вынуждают норвежских купцов покупать у них рыбу царской десятины²⁵¹ по произвольно устанавливаемой цене; норвежским купцам не разрешают покупать рожь, мед, свиное сало и другие съестные припасы.²⁵²

Из названных документов видно также, что, несмотря на царский указ 1585 г., запрещавший заморским купцам торговать на Мурманском побережье, английские и голландские купцы в 1590-е годы и в начале 1600-х годов приезжали в гавани Мурмана и выступали в качестве нежелательных конкурентов для норвежских купцов; и в 1595 г., и в 1602 г. норвежцы жаловались, что английские и голландские купцы поставлены в русских гаванях в более благоприятные условия.²⁵³ Жалобы норвежских купцов были явно вызваны усилением русского административного контроля на Мурманском побережье, происшедшем после 1584 г.: когда Кола была сделана центром административной власти на Кольском полуострове, сюда стал назначаться воевода и при нем был создан свой приказный аппарат, который стал требовать от иноземных купцов соблюдения условий торговли, давно существующих на основных территориях России. Наступившие перемены были неприятны для норвеж-

в 1615 г. Есть надписи и не с ясно выраженными скандинавскими именами: Якоб Палер (Jacob Paler) — в 1615 г., Петер Книпо (Peter Knipho) — в 1593 г. Одна, видимо тоже норвежская, надпись (Hans Robertsen) относится к концу XVII в. (1694, 1695, 1698 гг.). Не все надписи хорошо сохранились и могли быть прочитаны. Имелись там и русские надписи. В литературе (Г. Гебель, ук. соч., стр. 78) есть глухие намеки на то, что здесь были надписи и более раннего времени, чем конец XVI в. Однако, когда автору настоящей работы удалось в 1933 г. посетить Аликисв остров и осмотреть надписи, старейшая имевшаяся там надпись относилась к 1593 г.

²⁵⁰ Датский архив, №№ 500—503, 570; Г. В. Форстен. Сношения Дании с Россией. . ., стр. 285—286, 297.

²⁵¹ С поморов-рыбаков собиралась в казну десятина в натуральной форме — в виде десятой части улова; естественно, что для русской администрации было более удобно и выгодно тут же в становищах продать собранную рыбу иноземным купцам и везти в Колу не рыбу, а деньги, вырученные от ее продажи.

²⁵² Датский архив, №№ 501, 502, 570.

²⁵³ Там же, №№ 501, 503, 570.

ских купцов, которым было выгоднее, когда в предшествующие годы можно было бесконтрольно торговать с местным населением.

Развитие русско-норвежской торговли в течение следующего XVII столетия по известным в настоящее время немногочисленным сведениям источников²⁵⁴ проследить можно только в общих чертах.

Введенные в 1585 г. новые условия иноземной торговли на северном побережье продолжали действовать и в XVII в. Торговля привозными (из внутренних областей страны) русскими товарами на Мурманском берегу более не производилась, здесь с русской стороны продавались лишь товары местных морских промыслов. Однако запрещение иноземным купцам торговать на Мурмане и требование вести торговлю только в Архангельске постепенно были забыты. Хотя официальное разрешение торговать на Мурмане имели только норвежские купцы, здесь вскоре возобновилась торговля голландцев и англичан, затем появились и гамбургские купцы. Торговля иноземных купцов на Мурмане приняла уже в 1620-е годы весьма значительные размеры (что в свою очередь было связано со значительным ростом поморского рыболовства и зверобойного промысла). Ежегодно сюда приходили десятки иноземных купеческих кораблей; норвежские, голландские, английские купцы скупали на Мурмане треску, палтуса, тресковый жир, ворвань и другие товары местных промыслов. Центром торговли с иноземцами по-прежнему была Кола, где весь XVII в. продолжал действовать гостиный двор для иноземных купцов; но торговля велась и в каждом рыбацьем становище на Мурмане — в Лавышеве (ныне — Лауши), Кегоре, Типунове (все они — на Рыбацьем полуострове), Териберке и др. Сведения о норвежских купцах, торговавших в XVII в. на Мурмане, имеются в документации о русско-датском конфликте 1622—1623 гг., во время которого датские военные корабли прошли по всему Мурманскому побережью, конфискуя товары у зарубежных купцов и у русских торговых людей и рыбаков.²⁵⁵ Во время конфликта командиры датских кораблей требовали от русских купцов и промышленников, чтобы они продавали товары своих промыслов только датским поддан-

²⁵⁴ Материалы Копенгагенского архива, опубликованные Ю. Н. Щербачевым, содержат весьма немного сведений о норвежской торговле за XVII в. (XVI век освещается лучше). В сочинениях иностранных путешественников за XVII в. (тоже в отличие от XVI в.) сведений о норвежской торговле нет вовсе.

²⁵⁵ Русские акты, №№ 113, 115, 117; Russiske aktstykker fra det 17 de arhundrede til Finmarks og Kolahalvøens historie. «Avhandlingar utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo». II. Hist.-filos. klasse. Ny serie, № 1, Oslo, 1961, ss. 38, 43—46, 51, 52 (об этом издании см.: И. П. Шаскольский. Публикация документов ЦГАДА в Норвегии. «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 106—109); Н. И. Ульянов, ук. соч., стр. 133—134.

ным — норвежским и датским купцам, приезжающим на Мурман.²⁵⁶ В одном документе упоминаются 4 норвежских купца, зимовавших в начале 1620-х годов в Коле;²⁵⁷ в другом документе упоминаются 4 норвежских купца, закупивших в рыбацких становищах Мурмана у русских поморов летом 1623 г., накануне нападения датских кораблей, большое количество товаров рыболовного промысла.²⁵⁸ Кроме того, известно, что в 1630 г. датский король послал грамоту царю Михаилу Федоровичу с просьбой расследовать жалобы бергенских купцов, торгующих на русском северном побережье.²⁵⁹

За следующие 50 лет, вплоть до начала 80-х годов XVII в., сведений о норвежской торговле на Мурмане пока не обнаружено.²⁶⁰ Но торговля продолжалась,²⁶¹ и датскому послу Г. фон Горну, ездившему в Москву в 1681 и в 1682 гг., было поручено провести переговоры с русским правительством об условиях торговли для датских подданных — для норвежских и датских купцов в Коле; однако во время переговоров из-за недостатка необходимых сведений решение этого вопроса было отложено до более благоприятного времени.²⁶²

В XVII в. норвежские купцы стали торговать не только на соседнем с Норвегией Мурманском берегу, но и в главном северном торговом порту России (и вообще в самом крупном в XVII в. русском торговом порту) Архангельске. Как уже говорилось выше, в 20—30-е годы XVII в. важную роль во внешних экономических отношениях России приобрела казенная торговля хлебом — продажа некоторым государствам (Швеции, Дании, Голландии) через Архангельск крупных партий зерна, носившая характер замаскированной экономической субсидии дружественным державам.²⁶³ По поручению датского правительства, часть хлебных закупок в Архангельске производилась норвежскими бергенскими купцами (вероятно, учитывалось, что Бер-

²⁵⁶ Русские акты, № 115.

²⁵⁷ П. И. Ульянов, ук. соч., стр. 133.

²⁵⁸ Согласно этому документу, 4 норвежских купца «Иван Юрьев», «Яков Юнов», «Иван Христинов» (Johan Kristensen) и «Петр» скупили летом 1623 г. у мурманских поморов-промышленников 54 тыс. штук трески, 450 шт. палтуса, более 30 бочек трескового сала и 1000 шт. визиги (Russiske aktstykker..., ss. 38, 43—46, 51, 52). Эти сведения ярко свидетельствуют о весьма значительных масштабах русско-норвежской торговли на Мурмане в 20-е годы XVII в.

²⁵⁹ Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 218.

²⁶⁰ Возможно, это обстоятельство вызвано не только недостатком и недостаточной изученностью источников, но в какой-то мере отражает ослабление норвежской торговли на Мурманском берегу.

²⁶¹ А. В. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в., стр. 15; Det norske folks liv og historie..., bd. V. Oslo, 1930, s. 314.

²⁶² Датский архив, №№ 1038—1040, 1054; Русские акты, № 185; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 234.

²⁶³ Б. Ф. Поршнев, ук. соч., стр. 321—327.

ген значительно ближе к Архангельску, чем Копенгаген, и бергенцы лучше освоили путь в Белое море). Датское правительство неоднократно (в 1629, 1630, 1631, 1632 гг.) обращалось к русскому царю с просьбой разрешить бергенским купцам закупить в Архангельске хлеб для нужд Датского государства и несколько раз получало разрешение;²⁶⁴ позднее, в конце 1633 г., в 1636, 1641 и 1649 гг., датское правительство вновь обращалось в Москву с аналогичной просьбой,²⁶⁵ но разрешения не получило,²⁶⁶ ибо по внешнеполитическим соображениям в те годы уже не было необходимости предоставлять Дании скрытую экономическую субсидию. Всего за 1629—1633 гг. бергенскими купцами было закуплено в Архангельске 75 тыс. четей хлеба.²⁶⁷ По-видимому, купцы из Бергена и других норвежских портов посещали Архангельск в XVII в. не только ради казенных закупок хлеба, но и для собственных коммерческих операций.²⁶⁸ В своем сочинении о русской торговле начала 70-х годов XVII в. шведский путешественник Кильбургер упоминает норвежских купцов среди купцов разных наций, обычно приезжающих торговать в Архангельск.²⁶⁹ По имеющимся сведениям, норвежские купцы вывозили из Архангельска хлеб и крупы, смолу, кожи, канаты.²⁷⁰

Датское правительство в 1634 г. специально обращалось в Москву с просьбой о создании более благоприятных условий

²⁶⁴ Датский архив, №№ 725, 727, 730, 734, 736, 739, 741, 764, 765, 768, 769; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, S. 329; Русские акты, №№ 122, 124, 128; Malte Juel, op. cit., стр. 29, 45—46; Г. В. Форстен, Сношения Дании с Россией..., стр. 307; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 218—219; O. A. Johnson, Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 94. — Так, в 1629 г. бергенским купцам Нильсу Матцену, Христиану Сёренсену с товарищами и Крину Гофту с товарищами было разрешено ежегодно в течение трех лет закупать в России по 1500 ластов (25 тыс. четей) хлеба; в 1633 г. такие же разрешения были даны на один год бергенцам Эразмусу Лауретсену и Крину Гофту. Сама операция по закупке хлеба для бергенских купцов в 1630—1632 гг. была осуществлена в Архангельске приказчиком короля Давидом Рютцом (ЦГАДА, ф. Сношения России со Швецией, 1630 г., № 6, лл. 84, 90); бергенцы же должны были вывезти на своих судах хлеб из Архангельска и перепродать его в Голландии.

²⁶⁵ Датский архив, №№ 771, 772, 782, 865; A. F. Büsching, op. cit., Tl. VII, S. 336; Н. Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., ч. I, стр. 219—221.

²⁶⁶ Датский архив, № 773; Русские акты, № 129 (ответ на просьбу 1633 г.). — Ответы русского правительства на аналогичные просьбы датского правительства 1636, 1641 и 1649 гг. в Копенгагенском архиве не сохранились.

²⁶⁷ Русские акты, № 129; O. A. Johnson, Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 94.

²⁶⁸ Det norske folks liv og historie..., bd. V, s. 314.

²⁶⁹ Б. Г. Курц, Сочинение Кильбурпера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 88.

²⁷⁰ O. A. Johnson, Norsk-danske handelsforbindelser med Nordrussland..., s. 96.

для торговли его норвежских подданных²⁷¹ в Архангельске; у правительства России испрашивалось разрешение норвежским (и датским) купцам и их приказчикам, прибывающим на судах в Архангельск, закупать «к их карабельному надобью всякой карабельной и съестной запас» (т. е. снасти, смолу и продовольствие), а также входить в Северную Двину не через неудобное Пудожемское устье, а через более удобный для судоходства проток в двинской дельте.²⁷² Разрешение на закупку припасов было дано, но путь для кораблей был оставлен прежний, которым пользовались все иностранные корабли.²⁷³

Таким образом, торговые связи Норвегии с нашей страной, завязавшиеся еще в IX в., поддерживались на протяжении многих столетий, и с XVI в. они приняли устойчивый характер торговых сношений купцов из портовых городов средней и северной Норвегии с соседним Мурманским побережьем и с главным русским северным портом — Архангельском. Такой же характер русско-норвежская торговля сохраняет и в последующее время — в XVIII, XIX и начале XX в.

²⁷¹ Просьба содержится в грамоте, в которой речь конкретно идет о бергенских купцах.

²⁷² Датский архив, №№ 771—772; изложение см.: Русские акты, № 129.

²⁷³ Русские акты, № 129. — На неудобство проезда через постепенно мелевшее Пудожемское устье Северной Двины жаловались и англичане и голландцы; английское правительство с конца 1620-х годов неоднократно просило разрешения английским судам пользоваться другими протоками двинской дельты, но тоже получало отказ. Разрешение иноземным торговым судам пользоваться другим протоком Двины — Березовым устьем — было дано лишь в 1656 г., когда Пудожемское устье совсем обмелело (И. И. Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых. «Журнал Министерства народного просвещения», 1916, XI, стр. 18—20).